

СМЕНА

№ 3

М А Р Т
1 9 3 4 г.

Изд-во ЦК ВКП /б/
"ПРАВДА"

СТРЕЛА должна быть ОСТРОЙ

незнакомому ему материалу. А рисовать то, что не видел и не знает,—значит давать безликий и мертвый рисунок. Поэтому, г. Клявеча, фаншот, а сами займитесь рисованием карикатуры на конкретных носителях зла и себя в Семипалатинске. Это будет гораздо полезнее.

Хорошая, ядровитая и смешная карикатура—это острое оружие самокритики, средство перенапряжения масс. Карикатура — острая стрела, бьющая наповал врага, убивающая смелом. Но для этой карикатуры должна быть злободневной, конкретной, злой. Художник-каррикатурист является передовым бойцом за социалистическое строительство, он смело разоблачает классовых врагов, бьет по недостаткам нашей работы, помогает своим оружием мобилизовать массы на борьбу с конкретными преступными злом.

Первые статьи о художнике, помещенная в «Смене», вызвала ряд откликов, писем, запросов. В редакцию поступило много карикатур на отъеме.

Из полученных рисунков обращают на себя внимание карикатуры живописца Н. Клявеча.

Хорошая, острая карикатура должна обладать следующими качествами: во-первых, она должна быть острой по теме, во-вторых, хорошо зарисована, и, в-третьих, быть конкретной. Все эти качества налицо у т. Клявеча. Тем Клявеча нельзя считать уже сложившимся художником-каррикатуристом, у него еще есть много недостатков: в его рисунках нет еще школы, его разрывание тем неопределенно и не отличается особой статической фантазией, но все же его рисунки выделаются и показывают большую любовь т. Клявеча к рисунку и его работу над собой.

На одном рисунке дан красноармеец, заснувший на посту. В руках у него вместо винтовки торчит меч. Это смешно. Карикатура злая, острая, она колет.

На другом рисунке на перо военкора помещены разглагольствования. Эта тема довольно старая, она неоднократно разрабатывалась рядом каррикатуристов. Но т. Клявеча смешно в этой старой теме найти ряд новых смешных положений. Один из разглагольствований задан за длинное ухо, другой повис люсом на кончике пера. Благодаря этим деталям карикатура заиграет.

Рисунки т. Клявеча обладают еще и тем достоинством, что выделенные в них лица зарисованы с портретным сходством. Мы не знаем еще персонажей, на которых дана карикатура, но бросается в глаза то, что это живые лица, что рисунок очень конкретен, он бьет по разглагольствию определенной воинской части. Благодаря такой конкретности сила карикатуры, ее возмездие необычайно повысилась. И именно благодаря своей конкретности карикатура достигает художественного обобщения.

Тов. Башкирова (Павлово на Оке) дает карикатуру-шутку на полтора, который, даже будучи болящим, в постели ищет обязательного материала на доктора-сестру... Карикатура неплоха по теме. Но т. Башкирова в рисунке настолько «черепаховал» лица и самого полтора и доктора и сестры, что они уже не смешны. Надо, рисуя лица в карикатуре, брать их живыми, шаржируя амору. Рисунок, оторванный от действительности, где лица не похожи на живых людей, а скорее на маски, лица «ошобде», — такой рисунок не дает ничего читателю и скорее производит досадное впечатление.

Карикатура должна быть новой по теме и не повторять уже использованной темы. А как раз этим пунктом страдают рисунки т. Клявеча (Клявечки). Один из его рисунков изображает связанного рабочего. Сзади к голове рабочего приставлен револьвер в руке фаншота. Подпись: «Убит при попытке к бегству». Другой рисунок: изображен фаншот, весь составленный из вышек свастик — глаза, нос, щеки. Подпись: «Приванши чистой арийской расы».

Обе эти темы уже были использованы в печати: первая в «Кронодиле», вторая — в «Известных», причем карикатурой была гораздо лучше, с мастерством и убедительной силой, чего как раз и не хватает т. Клявечки, потому что он работает из

Тов. Барабан (Харьков), по его словам, студент техникума. Его письмо полно грамматических ошибок. Он пишет: «Преодователя», «преддателя», «трамфар», «привидеть» и т. д. Эти ошибки не случайны. Тов. Барабан сообщает о себе, что он карикатуру занимается с 1926 г. А это карикатура так же неграмотно, как и его письмо. За 8 лет работы, при любви к делу, т. Барабан мог бы научиться рисовать гораздо лучше.

Тов. Барабан просил выборком папачку поедино — вопросительный знак, в него вписано лицо. По одну сторону от этого лица — выгнутые ноги зайца, клуб, радио, книги, по другую — пирамида с изображением фанша, рядом пыльный дуритус за улыбки фанша. Подпись: «Что лучше?»

Если г. Барабан хотел разрешить этот грамматический вопрос, то он должен был бы найти такое предложение в рисунке, которое бы действительно убедило читателя, что культура лучше чем пирамида. А т. Барабан своим рисунком ничего не убеждает. У него в рисунке беспомощное, механическое нагромождение предметов без той выгнутающей логической связи, которая делает рисунок убедительным.

Рисует г. Барабан слабо. В своем письме он говорит, что харьковский журнал «Красный перчик» почему-то не помещает его рисунков. Вот почему и не помещает, что рисунки его плохи, невыразительны. А там, где карикатура плоха, она превращается в свою противоположность. В своем деле, по рисунку т. Барабана кажется, что ты читаешь не карикатуру, а культуру. Тов. Барабану следует учиться учено работать над собой, если он хочет стать каррикатуристом.

Этот же совет следует дать всем товарищам, которые заправляют, могут или они рисовать карикатуры. Карикатурист-художник не ленивится ни внешне и чудесно, они вырабатывают большую школу, уморной учебой и работой над собой. Надо иметь большую любовь к этой работе, твердо стремление овладеть техникой, непрерывно работать.

Победа никогда не приходит сама, ее нужно завоевывать.

Хорошая, острая карикатура должна обладать следующими качествами: во-первых, она должна быть острой по теме, во-вторых, хорошо зарисована и, в-третьих, быть конкретной. Все эти качества налицо у т. Клявеча.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический и
бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

№ 3

1 9 3 4

11-й год издания

Адрес: Москва, Центр, Малый Чернышевский пер., д. 34.
Тел. 2-89-28

ЗНАЙТЕ, ФАШИСТЫ, ДРОЖИТЕ ФАШИСТЫ:

Рис. И. Семенова

—ЕСТЬ НА СВЕТЕ МОСКВА!

Записка прошла
савров тюремные двери,
В хлебный мякиш втерлась
слова —
Пишут берлинские шпионы:
Есть на свете Москва!
Бойцов революция
и героев
Не посмели убить,
обогатив.
И вот из тюрем
выходят трое
Неустранных болгар.
Узнавшие пытки,
голод
и жажду,
Измученные тюрьмой.

Трое
великих
советских граждан
Едут к себе
домой...
Еще рожковина
моторного грома
Самшины нам
сдвиг-сдва...
Но светит им
звезда аэродрома —
Есть на свете Москва!
Мы побежали...
Толпы — за нами.
И, сразу узнав
взлотамах,
Димитрова
мы проясил.

как знамя,
На вытанутых руках.
Магко едут автомобили,
Дышит Москва
весной —
Город,
который они полюбили,
Который
давно родной.
Московская улица
чуть пушиста,
В знаменах,
свежа и нова.
Знайте, фашисты!
Дрожите, фашисты!
Есть на свете Москва!
Евг. Долматовский

СВЯТАТЬ ВСЕХ НАВЕРСЬ

Ласковый снег козырьками лавками мягко бродил по ланинам ногам девушки. Она поднимала лицо, чтобы снежинки садялись на ее черные ресницы. И от того, что шел снег и шел именно крупный, становилось весело и хотелось улыбаться.

Девушка радостно поглядывала зубы, словно предлагая промокшим сосчитать их количество.

В московской зиме есть такая радостная нежность, такое всепроникающее чувство счастья, что ее нельзя забыть. И даже летом, когда арбыские порывы плавают в флюидовых волнах синицы, когда по волшебному колылу бульваров как белая в колесе бегает солнце и из оловянных свисают кудрявые головы их обитателей, — даже тогда вспоминаются укутанные синим парусом и теплые гармошки парового отоплания.

Она до девушки локани светил в продуктах, а она радостно ловила снежинки на конец пальца. И когда на перчатку опускалась свержающая в электрических лучах хлопья бабочка, плавец девушки превращалась в свечу, только эта свеча была шерстяная. На ее конце тихо трепетал бенгальский огонь.

Девушке было скучно, и она обращалась к синице:

— Дорогая зима, если твои ничтожная частица погибает, выброшенная московскими джорингами за город, не будь кля за это. Гибель нескольких килограммов нежного моего синицы ты не воспримешь как потерю. Твои румяные морозы поперекже будут бродить по щекам московских девушек. Что для тебя немного снега? А вот в десном массиве как песчинка в классе мифологания.

По ушам шла новгородные прохаживе. Каждый из них нес светилы. Все специально, трюмо разговаривая и хлопоча.

Девушка ждала подруг и приятелей, чтобы вместе с ними пойти к Ваньке Шарову встречать новый год.

2

В ванной комнате, у соседки, за фанерной стеной, уже танцевала молодежь. Как примус ши-

нал граммофон. Ванька прислушивался, скучая в ожидании своей бражки.

— Вот кто-то за стеной интересуется говорит:

— Эх, еще два часа осталось до двенадцати. Я больше не могу терпеть.

Хлопает пробка.

— Подожди, Коля, — урывает женский голос.

— Не могу!

И около стола сразу, весело заволались.

— Навались, навались! — поощряла мужской голос.

Испуганно вскрикнула ушавшая рюмка:

— Зини!

В стени застучали.

— Ваня, — раздался голос соседки-портницы, — иди к нам, пока наши соберутся.

Шаров пошел. Некоторое из гостей уже успели где-то напиться и пришли встречать новый год нависеле.

Незнакомый парень с прищипами как хлопья, обхватив девушку, толк неизвестно Ваньке, танцовала фанотром. Танцуя, он заплетался ногами и припадал мокрым ртом к шее девушки.

— Коляка, я тебе задам! — грозил ему жена, сиденная за столом. — Только врань домои!

Парень испуганно жмурился и, танцуя, раскачивался во все стороны, словно его дергали за руки.

Один из парней с уже поблдевшим лицом лежал на кровати. Его длинные ноги торчали сквозь прутья кровати. У ступней стола махалек, отключившись в сторону.

Шаров казался, что маневен впрямь в эти оголобл ног. Маневен изо всех сил старался слить кровить с места, но она стояла твердо, как лампочка.

За столом сидел рыжий парень. У него вынался голова. Она ни за что не хотела держаться прямо. Парень подлема ее и хотел выгнать сквозь налитую рюмку на лампочку, но голова снова падала набок, и содержимое рюмки расплескивалось по столетри.

У парня в жалуде урчит. Иногда это урчавье подкатывало к горлу, тогда он широко наддувал худые щеки и толкнуло рыгала.

Потом он брал кусок черного хлеба, подносил его к носу и нюхал как черство.

Рядом с ним сидела девушка.

Когда парень плавал из рюмки, девушка испуганно выжидала и вставала со стула. Она смотрела на парня и укоризненно говорила:

— Ма-и-ша-а!

Минша ловил свою надяющую голову на полдору, где и, ставя ее на прежнее место, говорила, обращаясь к Ваньке:

— Женщина при виде мимопла завыливает не потому, что она его путается, а потому, что испуг мимопла — по теории электромагнитного излучения мозга — передается ей.

Его сосед, содвигая один глаз, смеясь, спросил:

— Ну, а сейчас женщина передается испуг рюмки!

Минша весело хохотала, шлоке хлеб.

Когда он смеялся, то настолько широко развел рот, что, казалось, можно было увидеть его двенадцатиперстную кишку.

Минша вышла, качаясь, на середину комнаты. Он пытался танцевать, но у него подламывались ноги. Он изгибался и, удаляясь рассматривая свою бляжничку, кричал:

— Братячки мои милые! Не могу я танцы танцевать! У меня, браточки, одна нога, значит, босая, а другая совсем разутая, и танцевать мне нет никакой возможности, потому, смотрию, одна нога у меня левая, а другая правая.

И Минша бел левой ногой в левую сторону, а правой — в правую. Все хохотали, а его девушка опять укоризненно говорила:

— Ма-и-ша-а!

Минша обяделся.

— Минша, Минша! Что Минша? Ты сама Минша! И он по-калошному дрыгал ногами.

— Ах, какой ты несчастный, — сказала девушка и, взяв его за плечико, усадил в кресло. Минша устал мешком и вдруг начал орать, стараясь переключить граммофон:

— По тебе ползуют трактор лета
И везут песню он поет!
— Миша... Почему, когда граммофон играет, я слышу запах пудры и льна? Ну-ка, ответь... А когда перестает, не слышу?
Миша прижался к столу и постукал ногами о тарелку:
— Ади я джентльменом, прошу минутку...
Миша!

Граммофон остановился. Гости, обившиеся на стулья, застыли, глядя с улыбкой на Мишу.
— Мисс и миссис, месс и мессдам, вы сейчас присутствуете при рождении гения!
Потом обратился к спрашивавшему. Это был Кома.
— Молодой человек, вы гений!
Тот смутился и покачал, что спросил.
Но Миша от него не отрывался:
— Молодой человек, повторите, что вы у меня спросили.
Кома повторил свой вопрос. Тогда Миша опять начал опять на всю квартиру:

— Молодой человек! Вы отрезали Америку, но она, к сожалению, уже отрезана. Я вам могу по-настоящему, отчетливо пахнуть звуком. Когда начинает играть граммофон, частички воздуха приходят в колебание и разносит запахи по всей комнате...
В двери постукал. Гости хором отвечали:
— Мыно!
Дверь отворилась. В комнату вошла сияющая мушкетер. Ванна его не знала, но хозяйка радостно заорчала:

— А-а! Иван Иванович! Ты что же это заболел-лишь? Мы уже и начинать успели, а ты только зашелся!
Иван Иванович виновато развел руками.
Хозяйка взяла его за руку и усадила к столу. Иван Иванович вдруг заметил Мишу:
— Михаил Васильевич, какими судьбами?
Миша радостно протянул руки и заорал:

— Выходите уже встречаться, как всегда влюбленные, убедившись, что касса, которую он хотел отграбить, уже оборвана другим!
Все засмеялись, а Ванке Шарову стало скучно. Он подошел к окну.
На улице горела фонари. Они казались яркими ромашками, рассыпанными по городу. Эти ромашки цвели на улицах, воротах и крышах, в подвалах.
— Как впринципе, — подумала Ванка, — а из двоих такая благодать!

Он опять взглянул в окно. Фонарь висел у самого стекла. Вокруг его блестящего шара носились сильные мотыльки. Они слетались на теплое стекло и таяли. От этого лицо фонаря было испалено.

Ванку потянуло на улицу, но он вспомнил, что к нему должны прийти ребята встречать новый год, и пошел в свою комнату. Войдя, он стал готовиться к встрече.

3

Девушка, сидя на скамеечке и ловя снежинки на кончик пальца, не заметила, как ее обдували со всех сторон.

— Мамочки мои! — вскрикнула девушка.

...Фонари казались яркими ромашками, рассыпанными по городу.

— А-а! Сколько лет, сколько зим не видал тебя. Максим, — сказала один из ребят и слышно потряс ее руку.
Все хохотало ее по спине, жамало ладонь и поздравляло с наступающим новым годом. Когда приветствие кончилось, она сказала:

— Ну, пошам, А то Ванка заждался.
Они смеялись в трамвай и поехали.
Подошла и зашариле Ваньки, они заметили, что в его комнате полумрак. Горела только тускленькая настольная лампа.

— Где же это он может быть? — поинтересовался один из ребят.
— У соседки, должно быть, — ответила девушка.

Подошла Ванка. Девушка привала к стеклу ванской комнаты, и ее сердце сразу стало огромным. Оно перестало помещаться в груди. Как будто девушка совсем не стало, а около она, порешного галстуками мистрияи нием, стояло только одно колоссальное сердце.
— Мамочки мои! — вскрикнула девушка.

Все испуганно подскочили к окну. В полумраке комнаты, на полу, лежала табуретка, а над ней в воздухе висели сапоги, приваляющие тому, ведомо в него.
Девушка заревела.

Ребята растерянно забегали по тротуару. Кто-то понесся в докучальнейше, но там никого не оказалось. Кто-то к двери — заперта. Стали ломать — но податься. Послал соседка за соседом. Он привел полумраком и никак не мог поздравить отмычку.

Наконец дверь открыли, а глазами компании представилось чудное, высиде в петле. А на столе, на знакомом месте, под лампой, лежала Ванка!

— С новым годом, черти злодеек! Нагадилась а на пыжку — будет. Не хочю. Я реша встретить новый год действительно по-новому. Я взял лампу и уехал за город.

Ах, как хорошо в лесу зимнюю ночью, когда над тобой голой висит тельце своею дровесе, когда между ними сверкают снежи, морозные звезды и под ногами хрустит снег как спелый арбуз, когда лицо приятно пощипывает морозец и в легкие валится привыный запах сосен! Вдурт таинственно хрустит ветка, и начит казаться, что в той стороне бредет зверь, и сразу почувствуешь, как пружиняется твое тело и шлоут туго мускулам.

Нет, ни за что не променяю ночного зимнего леса на запах душиной комнаты, в которой извусую больше чем в шумале кинотеатра. И это кино... И галупые физиогномии, мимотики, полумаскишанные разговоры, искусственные веселье, вызываемое возбуждающими напитками. Нет, нет и нет. А в лесу веселье приходит само! От сосен, от мороза, от чего-то необъяснимого, не переводимого на переводимого на человеческий язык.

Советую и вам забрать лампу и поджигать свежие веточки. А чучело я повесил в комнате, чтобы, пока вы возмались с дверью, новый год уже наступил.

Догоняй меня, ребята. Я на Чинских горах. Свистать всех наверх!

Бывшие бойщики разошлись по комбинату на свои места и увидели себя не только в платье, но в роли настоящих хирургов, важнейший инструмент которых — чистота.

ЧУДО НА МЯСОКОМБИНАТЕ

Только отчаянным фантазером могла бы прийти в голову мысль о внедрении чистых воротничков и манжера в рабочий обиход старых бойз за Абдельмановской заставой. Бывш здесь десятки ламы, и в ямырах человек оставался с глазу на глаз с животным и убивал его, а потом обдирав, оттаскивал шкуру, голову, козала во внутренности, пока кровь не пропитывала его с головы до ног, аскала красной массой на лице, сворачивалась в волосах, ствала толстыми ручьями со штанов, рубаки и фартука. Кншечница имели дело с киниками, вручную выдвигавали их содержимое, а в помещениях с годами отстояла такой яркой крови, что один свежий человек, отпав от неженка и чистоты, войдя в конешенном, проекартно пострадал от неприятно пошамом.

За бойниши укрепилась дурная слава. Когда решил строить в Пролетарском районе гигантский бойниши комбинат, многие из отбор района пришли в ужас. Как рядом с блестящим «Шариком», рядом с красавцем Автоавтомом, с «Динамо» и Теплоэлектрическим институтом, рядом с этими кушачницами новой культуры, колыбелью нового человека, поместить бойню, запалать район, про-

питать его запалом коровных и свиных потрохо— нет, этого не будет!

По сути дела этот вопль проистекал от неосведомленности некоторых отбор района в вопросах современной пищевой индустрии. Когда советские инженеры и конструкторы, что называется за корнями, закупали в Америке чертежи мясного комбината, предназначавшегося для Чингата, и же в Чингата, а в Москве, за Абдельмановской заставой, переслали комбинат с чертотей на земле, — стало ясно, что комбинат не пачкает, а украшает район, и тут же всплыл вопрос о манжерах и галстуках.

С некоторыми планоушеними переслались старые бойниши на своих кровных камер, а прохладные ады комбината, с несомненным шлопом в гардеробные помещения, занимающие первую часть всего пивнато, удивительно разделили и проследовали в душевные комнаты, а отсюда в третий сектор гардероба, где их нарядили в белоснежные костюмы и круглые шапочки с динным козырьком, так что, глядя друг на друга, бойниши видели не бойниши, а как им санитаров, хирургов, профессоров анатомии. Какой смысла имели эти белоснежные шапочки и шапочки медицинской чистоты в аккурратности здесь, в этом доме, где каждый доны глядя должен гавнать человека кровью и выделениями животных?

Бывшие бойниши разошлись по комбинату на свои места и увидели себя не только в платье, но в роли настоящих хирургов, важнейший инструмент которых — чистота. Простое и грязное, физически грязное когда-то дело убоя быка, заго-виемо равные в одну камеру, здесь разбито было на тысячи отдельных операций, проведенных в отдельных местах комбината. И вот люди стояли на местах, а работа в виде коровьей туши над головами, над костей, над шкурой, над кровью, над внутренними железами падала в них, а бойниши, со всех сто-

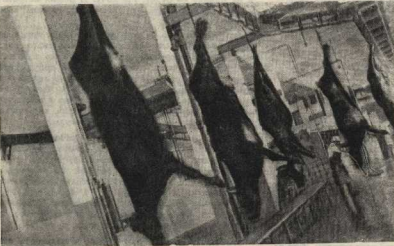
ром орошавая могучими струями воды, требующая от рабочего выносливого, но очень точного движения руки. Когда животное входит в пех и электрический ток лишает их чувствительности, начинается изумительно ритмичный марш согнн туши через комбинат. Каждый метр этого марша одним ударом освобождает тушу от основной массы крови, от внутренностей, от головы, от шкуры, от желез внутренней секреции.

Работа совершается безукоризненно белыми руками. Они вооружены электропилами, ножами, мясорубками, поднимающимися стенами, бросяющими оглушенного быка на конвейер, и — водой, водой, сотнями лужеи алыющейся на животное, начиная с той минуты, когда его поразил первый удар, и кончая моментом, когда он предвставляет собой сотню разнородных продуктов: мясо, альбумин, костную муку, эндокринные выделения, кожу...

Путь туши, плавущей в воздухе через цепи, есть, что и того, как непрерывно высасывание комбинатом все полезные человеку вещества, содержащиеся в животном. Шамочицы, выдавливающие содержимое кишек, инкульвадины, продувающие кишки, индоксицирники, извлекающие содержимое желез, альбумицины, превращающие кровь в альбумин, аппаратчики, работающие на котлах Вальса и жирном цехе, рабочие угля — все эти люди поигают комбинату в его гигантских процесссах высасывания.

На всем протяжении конвейера устроены стоки для крови. С трех ячеек крови животного стекает в одной кан альбуминовой цепи, где форсины разбрызгивают ее в воздух, пытаясь до температуры, превращающей белок крови в порошок альбумина. Ни один атом из тела животного не пропадает в этом замечательном комбинате. Одна лишь выдиринная группа извлекает из железа быка вещества, стоимость которых равняется стоимости всего животного. Остатки мяса, комбинат в одной лишь индоксицирновой группе оставляет, таким образом, полную стоимость коровы, быка или свиньи. Мясосомбинат отходок не знает.

Чистота производственных процессов определяется на комбинате и физическую чистоту работников здесь людей. Где он, старый бойниши, с головами до ног обшитый коровой, сохранил на нем как пацанду? Високу стоит люди, внешне напоминающие хирургов, люди в белоснежных костюмах и шапочках, точные, быстрые, ловкие, осведомленные гении нового комбината от внешней неуважности старого бойниши-кустаря.

Люди стоят на мостах, а работа в виде коровьей туши плавает к ним, подвешенная на конвейере, орошаемая могучими струями воды.

И вот произошло чудо.

О чуде рассказывала мне секретарь комсомольской коллектива, тот самый человек, что, придя как-то на старые бои, прозвонито перенес пристыженные листы. Писал милое из комсомола Мисокомской правды. Теперь तो же коллектив, в том же составе выплывает уже 168 комсомольцев. Полнучейше знамя маюло 90 человек, теперь — 600. О среднем образовании в боинских маюлах не думаю писать. На комбинате 250 комсомольцев и рабочей молодежи проходит курс средней школы.

А театр! Кустарь старых боин едва ли раз в год хлывал в театр. Грудно сразу объяснить, какими причинами знавалось это неуважение к театру, но оно упрочилось на боинях крепко. Теперь комбинатчики путешествуют в театры не реже 2 раз в месяц. Стучалось так, что председатель звонком по шестидесяти делам отлучался в совхоз как раз в те самые месяцы, когда эти замечательные метаморфозы только-только начинали образовываться на комбинате. Вернувшись, он был как-то спрошен о том, как распределяются в цехах театральные билеты. Он возмущался:

«Что вы хотите, товарищи! Да не чистотой ли, а не чистотой ли комсомольской среде? Возможно, что у иных и было такое подозрение. Но этих странных людей как раз и следует обвинять в неразумном псевдокомсомольском отношении. Оно-то и определяет — но чем? Грязными нотками, злобой пролетарской, аткой героической неистовостью (превращение в усложности), романтичные грязные воротнички и усложности), романтически грязные воротнички и усложности, железной рубахи, всем своим развешенным угловым изломом (форма ли репрессивному интересам в неистовости).

Безусловно, таких зурбов становится в комсомольской среде все меньше и меньше (среды подлинных пролетариев, представляющих лучшие традиции рабочего класса, их нет совсем. Подгнила на рабочем Ленинградском «Электромаш» или завода им. Макса Гальди. Он приходит в цех изобретений, в чистейшем воротничке, часто в фетровой шляпе). Да и странно выматывать такой зурб гаг-инбуид в ослепленном цехе Электромаша, или во внутреннем мисо комсомольского завода им. Макса Гальди. Он приходит в цех изобретений, в чистейшем воротничке, часто в фетровой шляпе). Да и странно выматывать такой зурб гаг-инбуид в ослепленном цехе Электромаша, или во внутреннем мисо комсомольского завода им. Макса Гальди. Он приходит в цех изобретений, в чистейшем воротничке, часто в фетровой шляпе).

Да и странно выматывать такой зурб гаг-инбуид в ослепленном цехе Электромаша, или во внутреннем мисо комсомольского завода им. Макса Гальди. Он приходит в цех изобретений, в чистейшем воротничке, часто в фетровой шляпе). Да и странно выматывать такой зурб гаг-инбуид в ослепленном цехе Электромаша, или во внутреннем мисо комсомольского завода им. Макса Гальди. Он приходит в цех изобретений, в чистейшем воротничке, часто в фетровой шляпе).

Да, но боиня ведь не изобретает?

Боиня! Товарищи, забудем это слово. Оно не является с блистательной чистотой, с предельно точной работой, с ее ритмичностью, со всем, что порождает всякого свежего человека в цехах Мисокомбината.

Стремление к чистоте, опрятности, к порядку и благообразию в одежде вспыхнуло на комбинате спонтанно, под влиянием новой для боинщины производственной обстановки. Гальсту и шапке в цехах, это еще, если хотите, — мало чудно. «Большое чудно» заключается в том, что в среде отсталых когда-то рабочих боиня, в среде вчерашних кустарей, да еще таких кустарей, которые занимались самой грязной и неспрятной работой, — в их среде так же спонтанно вспыхнула так в газете, к книге, к театру, и, наконец, — к университету!

Я не хочу быть «комсомольцем, не хочу, чтобы несправедливо люди обвинили меня в «насилинии» и

«перепромыслинии». Вот цифры. Комсомольский коллектив старых боин выписывала всего-навсего 23 комсомольца Мисокомской правды. Теперь тот же коллектив, в том же составе выплывает уже 168 комсомольцев. Полнучейше знамя маюло 90 человек, теперь — 600. О среднем образовании в боинских маюлах не думаю писать. На комбинате 250 комсомольцев и рабочей молодежи проходит курс средней школы.

А театр! Кустарь старых боин едва ли раз в год хлывал в театр. Грудно сразу объяснить, какими причинами знавалось это неуважение к театру, но оно упрочилось на боинях крепко. Теперь комбинатчики путешествуют в театры не реже 2 раз в месяц. Стучалось так, что председатель звонком по шестидесяти делам отлучался в совхоз как раз в те самые месяцы, когда эти замечательные метаморфозы только-только начинали образовываться на комбинате. Вернувшись, он был как-то спрошен о том, как распределяются в цехах театральные билеты. Он возмущался:

«Что вы хотите, товарищи! Мы своих людей и по бесплатным билетам в театр зайти не в силах, а вы хотите, чтобы они еще на свой счет отравлялись!

Люди смотрели на него удивленно. Он не знал, почему. Да все объясняется просто: предважною алаго отсутствием. За это время новый комбинат радикально изменил нравы рабочих старых боин. Многие из них имели раньше дело с книгой! Теперь же комбинатчики «обидуются» в библиотеках, посещают книжные классы, расспрашивают сведущих, грамотных читателей о хороших книжках. Да все это так, чистый, ритмичный красавец-мисокомбинат.

К чему же, однако, все это написано? Отнюдь не для одних восторженных извещаний. В последнее время профессиональные в комсомольские организации что-то уж больно пожелали в переросности людей в самое чудно Мисокомбината. Замерю по крайней мере движение «за шапкой и галстуку в цехах», ослаб интерес в чистоте рук и ножек, к внешней опрятности рабочих, к внедрению новой культуры труда и образа. Мне не внимательно следит теперь и сам комсомолец с чистотой своего воротничка на работе, да и вообще-то реже стал носить воротничок, возвращаться спомль и рядом к косоротке или фуражке.

Нехороший, опасный признак. Разрастается, он может вырваться глубокою пропастью между комбинатом и его людьми, но комбинат — это чистота, блеск, организованность.

Боиня! Забудем это слово! Оно не является с блистательной чистотой, с предельно точной работой, с ее ритмичностью, со всем, что порождает здесь всякого нового человека...

стройности, а иные люди при отсутствии воспитательной работы нет-нет да и вспоминают нравы и внешний обиход старых боин. И получается так, что все, что одето на людей комбинатом: белая куртка, белая «аппаратурческая» шапочка, — это будет быстать; а все, что под ним: рубашка, пиджак, фуражка, — это будет серым, матым, израным. И дело ведь не в самих воротничке, не в шапке, а в том, что эти предметы сами по себе ведем углубляют и подчёркивают в человеке культуру его труда, культуру всей его жизни. Кто не знает, что чистый, выглаженный костюм, хрустящий воротничок, опрятные руки, без длинных и грязных ногтей, — это не знает, что все эти мелочи незаметно помогают человеку быть свежим, организованном, точным, увлечённым его аспетит к работе, облегчат взаимоотношения с хорошей, дружной командой и, наконец, с соседом и другом?

Но это знание нужно воспитывать. Вернее и не очень трудно полагать во всем на индустриальное чудо комбината: оно, дескать, и без нас воздвигается на людей, перекует их, перероситает. Нет, товарищи, без участия организаторов, воспитателей, общественников само замечательное индустриальное чудо не сможет воспитать новых людей. Будете-на, комсомольцы, к систему ваших зачаточных намерений по внедрению шапке, воротничка и галстука в производственный быт комбината, где одна из операций сама, в конце концов, выматывает на мысль об установлении новых, железных законов чистоты, культурности, точности, нового стиля жизни. Это так называемый «студент», где люди в боинских халатах и шапках совершают последний обход над тушкой, срезают кожу с залепленной кровью, салды старых боинчек живописно, убирают, наконец, ногами все, что на туше висит неярво и грязно.

Чистота производственных процессов определяет на комбинате и физическую чистоту работающих здесь людей.

Центральный аэроклуб строится в Тушине, под Москвой.

АЭРОКЛУБ

Автор этих строк помнит первые опыты российской авиации. Борис Завини приехал однажды в город, в котором жила автор. В громадных афишах борей анонсировала предстоящие полеты.

Настал знаменитый день. Солдаты выстроили Фарман на пилорамо. Завини сел за руль, ввертел мотор, борей расклавилась. Солдаты, вцепившись в полотняные крылья, не отступали от Завини, рассказывая опыты, мотор грелся за его спиной, просярлар грелся так, что зрители затыкали уши. Женщины хватились за шляпки. Солдаты опустили крылья. Фарман победил во воюю и полетел. Сверхелась невероятности. Афиши на агани: борей летит. Он летит без жуамичества, без подвоя, ноги его свисали в воздухе, руки он держал

над пропеллером. Он расклавилась. Потом он авишнлся за телеграфную проволоку и свалился. Полет этот был организован Всероссийским аэроклубом. Это было в 1911 г., авиация входила в моду, аэроклубы рождались во всех городах, газеты прославляли знаменитых авиаторов, владевших на высоту в 400 метров или покрывших без посадки расстояние в километр в 25.

Слева аэроклубов конструировала со слабой риги и футболом. В магазинах варула с напросомми, поведенными имени какого-нибудь прославленного хабенца, пролавнись пилотром «Аврора», «Авангард», «Авиатор», «Аэроград», «Шансонети пеант», «И авиатор и тем горюху».

Все пилоты и безделаные столиц устремлялись в аэроклубы. Лицензии говорили о моторах «Изом» и о предвещении обидной перелет монопланом. О воздухе они говорили непределенно: «Да, я агал!» Вранли Ништо из них не летал. Они приезжали в аэроклуб, чупали авиопланы, мадвенчески, бесшумные самолеты тех времен, а потом шли в рестораны, где пьенствовали, спорили о последней сенсаци, именуемой синемаграфией, клаллись положить свою жизнь за пропасть авиации, били лозу.

И тут же, рядом со своей этой пивалью и шумерой, гнездились в аэроклубах незначитные энтузиасты авиации, подлинные создатели авиационного дела. Это те, кто создал из аэроклубов тех лет средоточие авиационной мысли и авиационных подвигов. Те, кто выискал имена аэроклубов в историю. Кто на последние деньги покупал материалы, чтобы конструировать новые в воюие моды. Шли нищету. Проверили свои нововведения опытом. Разбивались, проверяли.

Для того чтобы читатель представил себе большой конкурсный перелет аэро-

Парашютисты, несомненно, будут деятельными членами аэроклуба.

клубной авиации тех времен, рассказан о перелете Париж—Мадрид, организованном в 1911 г.

Летит 15 аэропланов. Старт дан в 5 час. утра 21 мая, при огромном стечении публики. Первые четыре самолета улетают благополучно. Пятый пилот ломает свой самолет, перевернувшись при взлете. Шестой делает над аэродромом поакрут, падает от неожиданной остановки мотора, обрушивается на группу должностных лиц и убивает военного министра.

Остальные улетают. По дороге все авиаторы кроме одного терпят катастрофы. Они падают на поля, на города, на поляны. Давит лавины, пугают лошадей, свисает крылья. Иванья Мюзе ухивает в полях при приближении самолетов как при бомбардировке. Помы бьют в лабят. Лавочники выжидают свои выходы на обрешах, опасаясь свистовстационали.

И в несчастье приключился створест в Мадриде авиатора Велера, единственного, кто не сломал самолета и покрыл 1170 километров в 15 летных часов.

К 1913 г. слева аэроклубов начинают меркнуть. Европа приступает в широкому промышленному самолетостроению. Вых конструкторов-энтузиастов, соорудивших аэропланы на мансардах, замочей. Аэроклубы хиреют. Дело усовершенствования самолетов переходит в руки лабораторных исследователей и технико-конструкторов, пилотов авиации — руки пилотов-профессионалов.

И на войне гибнут последние пионеры авиации, герои ее первых, кустарных лет, последние герои аэроклубов.

Центр создателя фигурного пилотажа, убит в воздушном бою. Гарро, которому еще при жизни была поставлена памятник за перелет через Средиземное море, убит в воздухе за несоблюдение дилет амальчелый мир. Велери, победитель всех мировых досрочных перелетов, упал, совершая перелет из Парижа в Рим. Нестеров, создатель мертвой петли, разбился, пронаваля опыт таранения противника ударом по нему сверху собственным аэропланом.

После войны аэроклубы в буржуазных странах превращаются в заминутные и трудно доступные собрания богатых людей, владеющих собственными самолетами. Это клубы, подобные клубу «Любители мивной книги», клубу «Путешественников по Западной Африке», клубу податриков, клубу снобей.

Это клубы, которые больше гордятся своим поваром чем своими аэропланами и наследственной податрой своих сочленов больше чем семейство своих пилотов.

Московский центральный аэроклуб строится в Тушине (неподалеке от Москвы). Аэродром клуба уже готов. Громадный аут от борей лонит по шоссе авиация роулету площадку. В нескольких шагах от шоссе высятся неоконченные трехэтажные здания. Это—здание аэроклуба.

Буржуазия обособила свои аэроклубы, сделала их замкнутыми, трудно доступными. Научится пилотажу на Западе может либо богат либо профессионал.

Наш аэроклуб—клуб массовой авиакulturы. Авиацию—в массы, учить, обучать. Каждый гражданин нашей республики может научиться летать, стать пилотом-любителем. Аэроклуб предоставляет ему для этого инструкторов, самолеты. Без отрыва от производства будет проходить эта учеба. Заключив работу на производстве, гражданин садит в автобус, отправится в Тушину.

Перед нами клубка, план вместелетального, но несложного здания аэроклуба. Гостиная, ресторан, кассис, библиотека, демонстрационный зал. Ком-

маты отдыха, комнаты игр. Кабинеты моделизма, парашютизма, парашютизма.

Член клуба, будущий любитель-пилот, изучает все отрасли авиации, погружается над моделями, усевит мотор, поработает с парашютом. И, изучившая детально, парашютист может право адекватно полетной аэрологии подобно прогулке на лыжах в час отдыха, в выходящий день.

Аэрогруппа. В них помещаются разные типы самолетов: учебные, тренировочные, спортивные, туристские. По мере повышения квалификации пилотов члены клуба переходят с одного типа самолета к другому.

Урок практического полета. Человек пришел с завода, принял ванну, закутался. Потом он выходит на поле. Инструктор, с которым происходит он курс, садится с ним вместе в кабину учебного самолета. Пущен мотор, самолет полетит к старту. Он трясется как телега, он ленив и возмущен на земле.

Джигурный поднимает белый флаг, самолет начинает разбег. Он начинает его так же медленно и тряске, потом взбегает исчезает, легает, боковой перегар берет подобно искрам вдоль аппарата. Все легче, все стремительней бежит, и вот, какучившись, самолет берет уже над лощиной, вал какой, над оврагом. Он летит.

Наматывается урок. Ученик проходит повороты, виражи, аппарат взмывает и опускается. Это учба в воздухе, это внедрение в ученика особую чувств, имеющую чувство самолета, это длительное и постоянное изучение пилотского искусства летать, искусство, разложенное на составные части.

Полет. Все прямолинейно и прямолинейно сверху. Круговые дома, деревни, смачивание на парашюте.

И вот самолет летит.

асептизм, стадо коров в форме трапеции, дам, позиций на пирамиду.

Инструктор заманивает рукой. Посадка. Земля приближается, расплывается параллелограммы, сплюснута, прямые линии. Стрелка альтиметра, дроп-ула, рывок в кудал. Нет уже дым становится дымом, воробей воробьем. Инструктор и ученик вылезают на кабину. Они видят землю, огромную как всегда. И новый ученик садится на самолет.

Но не только воздушное плавание будут заниматься члены аэрогруппы. Пилот должен быть физкультурником. Клуб будет иметь площадки для всех видов спорта. Будет построена переклассовая волная станция. Зимой эта станция превратится в лыжную базу. Каждый член клуба должен будет сдать нормы ГТО и спортивное орудие стрелка. Стаioned за 80 тыс. человек.

Футбольное поле, беговая дорожка, теннисные корты, три, огромный парк в 30-40 га — вот, что будет располагаться неподалеку от аэродрома.

И новый аэроклубный вид спорта — парашютизм.

Парашют Гудит мотор, человек поднимается в кресле. Ветер бьет его в нос, а зум, в живот. Грудно описать этот удар. Дыхание обрывается, спина вала в стелку, гор-

Новый аэрогрупп придет на смену временному зданию аэрошколы в Тушино.

лестит воздух, которого столько много, чтобы чувствовать себя хорошо. Человек падает в кресло, отдышавшись, он привстает опытно. Он держится за летящий и местный самолетный борт. Мир — затуманенный, с высоким лесом по бокам, с каменными, вытиснутыми в землю, — качается у него под ногами. Человеку предстоит ухватить. Он смотрит на землю покаявшись.

Потом он падает. Он бросается в воздух, будто в воду, головой вниз. Тело его описывает круг, затем выныривает, ставшая земля, удивленная и нечеловеческая. Человек вернется в воздух. Земля качается под ним, ему кажется, будто, что он падает в небо. Опасно, что кажется. Это значит, что мало выправиться, полет идет вбок, человек балансирует руками. Балансировка, он чувствует. Он говорит: «Раз, два, три». Простейшие знания чувства — чувство нервноюся и чувство света — волнуют его мозговую корочку, стремящуюся как пуля вниз. Садясь «платье», человек держит кольцо парашюта. Бегущая выныривает на парашютом вниз. Садясь, летит ширится и выдвигается. Тонкий шест. Широкий шолох. Похожий на выстрел удар. Толчок. И вот человек падает над землей, асипно покачиваясь как бумажка.

Самолет — в массы! Металлурги, механики, сварщики, комбайнеры, сталевары должны научиться самолетождению. Химиков, агрономов, учителей влетает над кустарником и лесом.

Самолет АИР, самолет Грбовского, летящий в воздухе — летящая конструкция, леготворный авиационный полет и сброс. И рабочий, обучаемый полетом, в конце концов, будет отправляться ему в выходящий день на лыжах, будет сообразать через несколько лет, куда бы полететь в выходящий день. — В Казань! — решит он.

Он заводит в аэрогруппе. Его разбудит на рассвете. В поле еще темно, человек выйдет в кабину. Пущен мотор, дым увеличивается с каждой секундой, самолет трогается, огни летят мимо. Потом огни в яме, потом огни в пропасти. Самолет летит. Рассвет. В бледном сумраке нового дня человек видит крылья и колеса своего самолета. Видны поля, видна земля. Силы и зоркость.

Восход. Минуты две солнце сидит на горизонте, затем оно таяно влетает вверх. Земля еще в сумраке, тени лежат на полях, глубокая чернота обозначает асипно. Солнце вылезло лишь с самолета, самолет светит от крыльев и до хвоста в голубой, ваводный, кто гладит на него снизу.

День. Дымит трубой, полетит тракторы. Волга. Нисколько раз ова ухают, плетит, возвращается. Зоркость, повернувшись, она бросается на самолет. Земля увеличивается с каждой секундой. Человек с двумя флагами бежит по трассе. Огромное «Ш» выстало на газне.

Самолет летит в это «Ш». Сначала влетает, и он улетает на трубу, затем на крышину, затем в овраг. Сложности. Самолет идет на посадку.

В ЛИТОВЕДИНИИ «СМЕЦ»

Творческое объединение молодых писателей при «Смее» готовится к сезонному писательскому сезону.

В прошлом году литовские писатели провели много воспитательную работу. Вокруг журнала сплотился ряд способных молодых авторов, вышедших на сценах заводских литворкshops, вузовской молодежи и др.

Ядро молодых авторов, несмотря на различия в творческом облике в целом представляет крепкий отряд комсомольской литературы.

Литовским объединением проведена массовая работа: выступления на заводах, в Центральном и Сокольническом парках культуры и отдыха, в клубах.

Много внимания уделялось объединением встречам с высококвалифицированными мастерами советской литературы. В литовском объединении были А. Толстой, В. Игнатов, И. Вайсман, С. Третьяков, В. Шляховский, В. Пильный, В. Герасимов, Е. Зюва, С. Крисванов, А. Ляров и др.

Над чем сейчас работают «смецовцы»?

Павел Железнов вынул из тороку книжку стихов. Поэмой «Кеймь вора» Димитров как бы акцентировал разработку темы беспорядочности. Железнов сейчас находится в творческой командировке в Сталинграде, где пишет стихи об ударниках.

Ойлександр дал новую книжку, знаменующую рост поэта, отход от кичности, стремление к большей простоте. Ойлександр написал несколько стихотворений о строительском методе.

Интересные лирические стихи пишет В. Лебедев. Сейчас Лебедев работает над новой работой учителя в советской школе.

Павел Панчинов, Александр Шпирт и Дмитрий Борисов пишут лирические стихи. Препарируют разработку комсомольской тематики Марья Фееричев.

Е. Абрамович продолжает работу над стихотворными фельетонами. Совместно с А. Железновым и В. Зюва у них есть одна в шесть перочу книжка стихов.

Я. Беляевский написал ряд новых лирических стихотворений, в которых стремится открыть новое отношение к искусству, любви со стороны молодежи, растущей социалистической интеллигенции.

Проведенная в литовском объединении в январе поэтическая дискуссия вызвала чрезвычайно оживленный обмен мнениями и поставила перед поэтами «Смее» задачу дальнейшей борьбы за овладение высотами марксистско-ленинского мировоззрения, за овладение техникой сложной стихотворной формы.

Растут в объединении и молодые прозаики. За последнее время были проведены 2 лекции: малолетнего рассказа, посвященные творчеству В. Бердяева и А. Н. Добролюбова и В. Кожанова. Эти товарищи имеют не некоторые достижения. Особенно удачна совместно спонх рассказов Василий Воржастов.

Несколько ранее разбирался работа М. Гольберга и С. Давидовского над очерком-портретом.

Вос эти декадники не замечались в узких рамках разбора прозы, а теперь, когда вступают в переделку в широкие проблематические дискуссии, в которых принимаем участие квалифицированные мастера слова: С. Третьяков, Е. Зюва, С. Крисванов и др.

К достижению журнала многие члены объединения поехали в творческие командировки, где проведут работу в помощь местным газетам и издательским литворкshops, выявят наиболее способных литворкshopцев и окажут им творческую помощь.

В недалеком будущем литоркshop «Смее» продолжит выпускать альманахи, в которых будут собраны вышедшие образцы творческой продукции «смецовцев».

Самолеты решат судьбу отважных члеников. 5 марта молодые летчики Ляндовский и Петров совершили героический полет на АНТ-4 в лагерь Шмидта и доставили женщины и детей на континент. На снимке: т. Ляндовский на фоне своего самолета.

— Я знаю, что политдеда будет мне тешить за плохую работу и в конце концов исключит, поэтому уезжу сам.

Этот человек был руководителем 500 комсомольцев завода. Он считал, что ему уже нечего учиться. Партийное бюро также провозгласило его как зрелого, вполне оформившегося большевика. Но у Кузьмына был отец с большим производственным стажем и с домом, окруженным множеством хозяйственных пристроек. Отец Кузьмына относился к работе и к социалистической стройке так же, как он относился к Южной дороге: тряхать тот земля. Он приехал на транспорт за участком дома, за домом, за якорной, за бесплатным немецким балконом. Годы шли, где-то происходили забастовки, слухи о взаимных нападках и о расстрелах проносились над отгороженным домом Кузьмына, но он только платил приверженца ставке. Немец, студент, немое слово пришло к нему в дом. Седьмой раз Кузьмына огулом и без каких-либо пеннон, что адут против поставленной бог-ом задачи, шныряла по комнатам. Поддастав по образу и подобию отца сына Кузьмына, наследие твоего издательства и твоя семейная традиция!

Вначале отец алкал и нервничал, но сын не хотел его слушать и пошел в комсомол. Тогда отец начал окружать сына утонченными семейными ловушками: курным супом, хорошей сельской, отеческим разговором о нехватке продуктов, о последних известиях из комсомольских организаций и т.д. и т.д. убеждал сына в том, что на нем отпрыска, а он как дурак торчит по ветрам на бесплатной работе, он показывал сыну беспризорных на ступице и т.д. «Работать тот социалист! Натягивай!»

А в это время сына подливали над массой молодежи, его вымывали в бюро комсомола, его передавали в партию, но никто, конечно, всерьез им не занимался.

Он стал секретарем комсомола, но нечего завалил, не знал, как работать. Но все принимал плохую работу как должное, и эта проблема перестала волновать младшего Кузьмына. Его вымывали в производных собраниях, его энтузиазм был со-общением заводского руководителю, он становился почетной и привычной заводской фигурой, синдикалистом по авторитетному тону и цитатам.

А отец все свободил ему последние известия из очереди и от деревенских родственников, а мать встреляла его по вечерам широким и горелой узкой.

Первый же резкой критике политдеда 2-го харьковского района Кузьмына бросил партийный билет и был взят из организации.

Мир и тишина водворились после этого в заново выстроенном доме семейства Кузьмынов.

Когда перестают бороться с чуждыми влияниями, когда исчезает самостоятельность, становится системой работа, возникает угроза основе советского строя — общественной собственности.

...Человек да раскряки в Харькове. Он ехал в одном поезде да с своим клавыдем.

С треском отключая утюжок иржища, и под ней асело жалестким, зароселым и завелеским шербатые кипричи и буакинжи.

Пассажир бросился в транспортный отдел ОГПУ, всхлипывая и сивывая, он рассказал о том, что случилось в его багажном вагоне. Морефи, у хазского пласты, три кошона, баяль... Человек переезжал на работу по вывозу, он воз с собой все свои достояние.

Истина обнаружилась необычно просто. Сиску-сиску и с баяльничего гала. Морефи, у багажного сарая делая иржища и буакинжи, близкие родственники обнаруженных в залопученном чемодане. Полморозная лочка хранила на себя и своих оторванных от себя вещественных доказательств.

Людей, имеющих отношение к багажу, в Морфе было очень немного, и в течение нескольких дней заводнички выяснили название. Это были четыре молодых человека — два заводоуправления и два грузчика.

На примере этих четырех разоблаченных людей отчетливо видны черты, связывающие классово предвзятое мнение влияния с разложением работы на транспортном и парадном основании советского строя — социалистической собственности.

Заслуживают внимания трое из четырех: Белецкий, Дейкина и Кучеренко Федор.

Белевскому 24 года, на нем новая плашевая шапка, говорит громко, открыто глядит в глаза клавыдем.

— В прошлом колхозник. Сейчас ивну на квартиру рабочего и сам рабочий. Пошел на престижение в виду тяжелого материального положения. Расквашено.

Ничего не может сообщить. Его спрашивают, пробовал ли он улучшить свою жизнь честным путем. Двух детей он ведь мог отдать в колхоз-

ЧУЖДЫЕ ЧЕРТЫ

Чуждые влияния проникли на наши железные дороги. Недаром транспорт является тем узким местом, о котором может споткнуться да, пожалуй, уж начинает спотыкаться вся наша экономика» (И. Сталин).

Эти влияния возникнут иногда едва заметно, они начинаются одной раз с бытовых «мелочей» и, не встречая боевого отпора, вырастают в серьезную угрозу транспорту. Черк А. Гротова показывает, как проникли чуждые влияния в один из ответственных железнодорожных районов.

На первый взгляд они могут показаться совершенно безвредными друг от друга. Но это может иметь обиходный, честный, добродушный пареня с багитями, стальякующий на пономю ходу человека с поездом? Едва несли близки могут показаться медведь сна в рабочем клубе и пламенный в багажном отделении чемодан. А между тем все эти на первый взгляд далекие друг от друга вещи имеют общие, родинные черты. Все они являются отдаленными струями потока чуждых влияний. Большая ихей для нас мелкая, второстепенная участки, эти влияния соединяются, развиваются и растут, но встречая подчас дружное, непримиримое отпора...

Багон стоял в тупиковом парке. Два его светла свистало. Гул поезда комсомольца из вагона. Когда комсомольцы открыли дверь, они увидели группу людей за картами и бутылками. Оли, синя рубашка, занимался поисками насокен. Пьянство трепало выдалось на скамейке. Округ и пламенный уранивали все пространство вокруг веселой компании.

— А что с вами делать? — сказала провинивший комсомольский проводник и яростно почесал себе спину. — Как вконец на запас отведут, так для них и лапа.

— Почему не ставите вопроса об охране? Ведь зарплату тут разводите, выжилины.

Проводник сморщил на комсомольцев провинчески. Разговорачивать с ним было бессмысленно. Он вошел в тамбур, принес оттуда черной и замочасный венчик. Изюбок постепенно убрались из вагона. Проводник обмывал веинком скамейку, стремительно подбежал под и упрямо сказал:

— Останутся тут до утра.

Он свинул вагонный подклад и поставил его на только что подометной скамейке.

— Боясь грязь тут, зараза, — заметил ему, но они поспешно отступили.

— Не господа, ничего с нами от грязь не станет, привалили, слава тебе, господа.

И он стал прихрамывая на локме, соня и почесывался.

Этот человек жил до поступления на транспорт в небольшой деревне бывшей Тульской губернии. Корова и лошади стояли у него в тонкой невысокой перегородкой, Телевизор, котро и поросенок бродили по заставной избе. Куча дров пачкала в крыльце вокруг. Бывшая страница селкала в углу, на гивалом тряпье.

Из этого источника поворачивал проводник свой запас культурно-бытовых навыков. Он спал на раздвоенных и мочидных не холма в доме, Подчинаясь привалили, он забавлялся только о винном порядке вагона.

Этого человека никто не видел на транспорте в руки. Никто не занимался культурным его обиходом. Он был гдето на частной «фатере» и не мешал своему снам и не мешал на работе. В первые дни его пытался раздобыть венчик, вода, тревил для уборки, но его тревывалии почти не интересовались, и он со спокойной совестью мек одичал и тем же венчиком и уборные и пассажирские скамейки.

Так закончился на венчик поезде учебный и грязный облик чудовищного в наших условиях бескультурья.

В десятках составов Харьковского железнодорожного узла можно встретить проводников подобной роля. Они клубно нарушают дисциплину, но это никого не волнует, лишь бы в проходе не валалась окурков. Работая на разбросанных транс-

портных участках, получив рабочие выносы, они удерживаются сохрывать в себе чуждые черты. Это грозное разнородное имеет множество отвлечен. Ничего этого оно может с очень незначительных дел и разговоров.

Иногда и прогулчанием отнюст прувеличено чутно.

В дело «Октябрь» комсомольца Черваская отказался участвовать в поезде, посещением XVII съезду партии. Сначала она отказалась просто и благодушно, но когда ей напомнили о вое вторично, она выжилила!

— Что вы мне пристраете, да что мне вас политбой? Телевизор даст ми средства к жизни, а политика ваша ни к чему.

На Донбасс надо было срочно отправить из Харькова 105 пустых вагонов. Комсомольцу Будинский (паше исключенный) по обречда внимания на распоряжение начальницы и увел по личным делам. Изначенно необходимому Донбассу парония задержался на Харьков-Сортировочной 12 месяцев часом.

А комсомольцев стрелок на службывшие Иван Лодоба на одном делусте застрял, а в другой раз не являлся два дня подряд на службу.

Эти настроения адут, задерживались и спотыкались, стальякуются с препятствиями и отступая перед древним большевистским вагоном. Но вот ослабла прера, утасла багитальность, исчезло иржище и человек, и то же меклоуружаемые распушенные настроения возникнут у них комсомольских руководителей. Корни этих настроений могут быть очень разнообразны. Попробуем их проследить на одном из примеров.

На Харьковском парторганизационном заседании секретаря комсомольского комитета Кузьмына сдал в райком свой партийный билет и сказал:

дорожные ясы. Там дети могли быть с утра до 6 час. вечера, а жена бы пошла работать.

Нет, в ясы Великий не обращался, для ясы места не было.

Тогда у него спрашивают, пытался ли он поступить на курсы повышения квалификации? В ответ Великий только усмехается. Часы полудня зашипило — адвокат Великий — так же усмехается. Легенда о безжалостности положения последнего вагонца исчерпан на переполненном судейском зале.

Он приехал на станцию Мерера из деревни — скромный родственник одного из колодежников. Он приехал сюда в метках от богатых прибалтов и с том, как вернуться назад к восточным деревенским лесникам: плавающим лесам, лаковым рубашонкам, синим пиджакам в талю, с клешней, а в клеше пачки, перетнутые суровой ниткой.

Он не стремился попасть в рабочее общежитие. Молодой холостой, он с самого начала постарался обзавестись с самостоятельным местом, у которого есть свой дом, своя корова, свои ослы, оставшиеся наследником отца.

Так он набрал на гражданина Дейнеку — длиннющего человека урюкого нрава. У Дейнеки был свой дом, свое хозяйство, работа он вешающим в багаторной отделении Большой города и тут же ворован орудками его синими! Вся семья Дейнеки платно стояла на ногах, сестра его ходила, перелавывая, и постоянно жмурилась большие серые глаза. И судило было Великому восстать примером Дейнеки, отчаянно погрузило на маленькое мальшавое. И судило было Великому восстать примером сестры гражданина Дейнеки.

Они породнились. Судействено не удалось установить систематический шпирей в багажном отделении станции Мерера. Все подсудимые: знавшим, что совершил преступление впервые. Великий сказал, что не помнит, кто предложил отбить вагон с чемоданами или сумками, то ли он, то ли Дейнека.

Предложение было принято без дискуссий. Случайно звонил сюда же и другочек. Один из них удивился: вагон, мол, чемоданами атакован в урюком месте? Но Великий и Дейнека успокоили: — Это мы вещи на камни меем.

А Федору сказали: — Нив, привиси два киринки!

Он пошел и привнес.

На суд веземые вещи, что Федора Кучерено заставим всемирно принять участие в преступлении.

Этот парен, самый младший из четырех, приехал в Мереру, мечтая научиться многому и получить хорошую квалификацию. Он устроился на квартиру у людей без определенных занятий. Рядом с ним жили непроиславные люди, которые не любили говорить о своей профессии.

Кучерено приехал в клуб, но там было скучно и холодно. Он собрался пойти на комсомольское собрание, но узнал, что такое давнее-давнее не собирается. Тогда ему предложили провести киринки для молодых похоронивших вещей, он отказался. Но на него обиделись, ему начали угрожать. Ругали его люди, наиболее близкие ему из находившихся в Мерере, вешающим, почти неважно, но на нем он обривался со своей спиной и плечами и судили.

Великий работал теперь вместе со своим шуриним Дейнекой. Нивто не препятствовал их вешанию, и Кучерено, медленно, так сказать, со скрипом, пошел в их кожанно.

На станции Мерера багаж попадает в надежные руки.

Ему выдали его «дамо» — вагон-то потеряло право, которое он не стал продовать, так как пригрозилось отнять его уголовному розыску.

Так стави на один путь три разных человека: один — голец за длинный рублем, чьим образом явился — тивий железнодорожничий домовалялец; другой — рабочий по профсоюзной явилась, а по существу оторванный от рабочего коллектива, рави, сжатыель, шпирей и третий — неустойчивый парен, которого было самое сильные и грамотные люди могли потянуть в любую сторону.

Все они работали, предоставлявшие собственную усмотрению. Однако могла предостеречь первая рука проверки исполнения и единоначалия, друго-го-производственная отставка крепкого рабочего коллектива, третья-товарищеская чуткость комсомольского секретари.

Но не нашлось на станции Мерера таких разнообразных отношений к людям.

Пять месяцев назад политотдел принимала 2-й харьковский железнодорожничий район. В списках комсомольского комитета, выходящего пригородными ячейками, Мереру не значилось. Она явилась внезапно, она возникла неожиданно и поразила инструктора, стоявшего с ней. В двух десятках километров от Харькова командет селся потерпеть комсомольскую организацию.

Обычно люди чужих людей вымалется совершенно случайно. Для того чтобы раскрыть лицо крупного провала и тогда только начинают «проработку». Политотдел 2-го харьковского района и впервые за дни работы столкнулся с тем, что организованного подбора работников на дороге нет, так же как нет подлинной проверки исполнения. Спешивостью переходит здесь в потерю комсомольской бдительности.

Примером особенно «бдительного» подбора работников может служить бессловесное приращение с партизаном Кравиченко: он работал на станции Харьков-Пассажирская, а местное. Он был внимательным к молодежи, поощрял ребят партияльскую шпирей, рассказывал о боях с Белогародскими.

Однако этого «партизана» заводились в хвещных грузов, принадлежавших детской колонии. Все чаще и чаще рассказывал он хвещным голоном свои военные приключения.

Этим человеком, которому до тех пор верили самым, заинтересовались политотделом. Узналось, что в период гражданской войны он жил в районе Мерери и прославился мародерством и хищениями. Партизанскому хвещу от полудня, локая свои ордена, благодарные письма при пачке, и выдал их за почтительные боевые рапи.

Эти люди пробуются на решающие производственные точки. Молодой спешивует Воиладгов (3-й вагонный участок) вступил сначала в комсомо, проявил активность, пошел в освождение вагонов и тут-то выявился само истинную природу.

Многие товарищи успокаиваются в связи с тем, что количество преступлений на транспорте слабо число. Эти люди не считают нужным вести массово-политическую работу. Повидимому, они считают, что можно спокойно дожидаться титного уяснения бояри.

Чем шире можно обшить бесчестно подготовку к полавательному процессу на станции Мерера, с «героим» Кучерено-Великий, Дейнекой и Кучерено-мы уже познакомились?

Процесс был организован после прихода на дорогу политотдела. В связи с явкой усмешной подготовки к процессу организовались инициативные группы по охране социалистической собственности, а всех рабочих широко ознакомили с предостережением.

Но за 15 минут до начала судебного заседания выяснилось, что общественного обвинителя выписались забыли выдать. Кроме того стало известно, что инициативные группы по охране общественной собственности не работают по «объективным» причинам: кто-то куда-то уехал, кого-то куда-то перебрисали.

Настроение в зале суда было явным, и если бы не удачная инициатива председатели суда и жесткий приговор, общественная сторона дела оказалась бы полностью славной.

Политотдел приехал на транспорт. В обстановку традиционного спешивости они принесли оперативности и зрелую чутку.

Многие из тех, объясняющих в этой статье, явилась и вдобавление политотделом 2-го харьковского района. Нашлись потривные комсомольские силы начали передвигаться на решающие участки. Во многих организациях началось бесподобная борьба с прогулами. Здоровые силы стали брать возр над медлительностью и верхоглядством. Время от времени отдаленные участки выволакивал план на 100%. Но не так-то легко побороить отщепенцы явилась на транспорте. Назаром — транспорт является тем уязвим местом, о котором может спотыкнуться, да, пожалуй, уж начнется спотыкаться все назва экономиче (Стални).

Почащеим традиции явилась вымалывать людей, сжатыель, похоронивших на транспорт. Эти люди пытаются обить неоститное и распыляют силы. Избрал, наконец, валиый участок, они уявляють административной стороной вопроса, забывая «политическую» сторону шпирей. Пускай вешти номер, чутное отношение к работе, они сбливаются порою на путь мелкобуржуазного либерализма.

Победы над враждебными влияниями даются в напряженной борьбе. Мгнотельность, разбросанность, отсутствие проверки замывания и подлинного внимания к людям, так же как и административное вместо массовой работы, — все это тот самый пятальный булав, в котором отчаяно живут и размножаются враждебные транспорту бацалы.

„Надо бы пути проувить, да нуды уйдохь от этаной благодати!“

МЫ СТРОИМ ДВОРЕЦ СОВЕТОВ

Если бы подобную панораму мог созерцать человеческий глаз,—это было бы глубоко волнующее зрелище. Ведь в этих осязательных стенах изложена история человечества.

Вот пирамида Хеопса. Она нагляднейший памятник дремучего Египта. Она величественна, монументальна, но это дело не здания,—это строение, это нумифицированные останки прошлого, это мумия.

Вот собор Петра в Риме. Уже несколько веков, как высится осязательная его громада. Собор Пет-

ра давно пережил самого себя, пережил олицетворенную в нем идею.

И вот самое высочинное здание мира—нью-йоркский Эмпайр-Стэйт-Билдинг — банковская пирамида, индустриальный собор еще недавно величавого американского капитализма. Он еще молод, его строители еще живы, но и он тоже только прикинутый памятник, только мумия. Памятник капитализма самому себе.

А теперь посмотрите на Дворец Советов. Пока это еще архитектурный проект. Но когда мы рассмотрим снимок макета Дворца Советов, нас охватывает подлинное волнение. За кратчайший срок, за 17 лет, социализм достиг такой зрелости и мощи, которая дает ему возможность воплотить свои идеи не только в невиданных практических делах — в Днепродзержинске, в ликвидации вековой неграмотности, в покорении строгитивной стратосферы, но и в монументальных образах искусства бесклассового общества.

Представим себе: мы спускаемся от площади Держинского, мы шагаем по проспекту Ильича. Перед нами вид, который так же знаменит, как знаменит ленинский мавзолей в овраге королевской стены. Мы шагаем по проспекту Ильича,

мы глядим вперед,—нет не вперед, а мы видим вершину самого могучего здания социализма. Эта вершина — статуя Владимира Ильича Ленина.

Недавно газеты сообщили, что изготовлена макет Дворца Советов в одну пятую от натуральной величины. У нас вычленилось такое представление об огромной мощи Дворца Советов, что с газетного разбега одна пятая от натуральной величины макета Дворца Советов сама по себе, этот с двухэтажный дом. А в

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СХЕМА ВСЕХ МИРОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ЗДАНИЕ МИРА

верну означается, что весь макет уместится на письменном столе.

Но от этого вовсе не испытываешь разочарования. О нет! Дело вовсе не в одних размерах! Капитализм, быть может, еще поднимается, и с этой последней натугой воздвигнет гнуснейшее здание, которое окажется выше нашего Дворца советов на такое-то количество метров. Ведь Дворец советом выше самого высокого американского небоскреба лишь на 8 метров.

Но разве только в этом дело? Дворец советом выше дворцов капитализма на целую Октябрьскую революцию, на все наше самодвадцатилетнее прошлое, на все наше будущее, на целую эпоху. И если даже капитализму удастся выстроить здание выше нашего Дворца советом, все равно оно будет ниже его. Ниже на целую эпоху!

1. Кельнский собор—160 м.
2. Пирамиды Хеопса—137 м.
3. Страсбургский собор—142 м.
4. Церковь Сувана в Бесе—139 м.
5. Церковь Мартина в Ланхуте—137 м.
6. Собор Петра в Риме—143 м.
7. Антверпенский собор—130 м.
8. Церковь Михаила в Гамбурге—143 м.
9. Амьенский собор—126 м.
10. Фрейбургский собор—126 м.
11. Херенский собор—126 м.
12. Руанский собор (колоннады)—151 м.
13. Собор в Шатре—122 м.
14. Собор в Метце—118 м.

15. Шпиль Петропавловской крепости в Ленинграде—109 м.
16. Церковь Павла в Лондоне—109 м.
20. Миланский собор—108 м.
21. Уэльский собор (незавершен) ныне—101 м.
22. Ратуша в Брюсселе—90 м.
23. Башня Азинелла в Болонье—98 м.
24. Собор в Милане—107 м.
25. Орлеанский собор—106 м.
26. Дворец викариатов в Париже—104 м.
29. Испанский собор в Ленинграде—97 м.
31. Франкфуртский собор—84 м.
33. Колокольня Ивана Великого в Москве—97 м.
34. Рейнский собор—81 м.
35. Валевский собор—64 м.
36. Пантеон в Париже—79 м.
37. Башня Куте—Минвар в Дели—73 м.
38. Церковь Тестовьер в Мюнхене—73 м.
39. Руанский собор—78 м.
40. Вестминстерское аббатство в Лондоне—68 м.
44. Собор Нотрдам в Париже—66 м.
45. Монушат в Лондоне—61 м.
47. Фанборновы башни в Нанкинсе (разрушены)—64 м.
49. Аля София в Константинополе—58 м.
51. Башня в Пизе—55 м.
57. Акведук в Пизе—47 м.
60. Башня Антонио в Риме—44 м.
85. Здание телефонной станции в Нью-Йорке—215 м.
86. Эйфелев Стат Вилдинг в Нью-Йорке—407 м.
87. Бульварный Стат Вилдинг в Нью-Йорке—285 м.
88. Транспортер Стат Вилдинг в Нью-Йорке—293 м.
89. Башня Стат Вилдинг в Нью-Йорке—290 м.
90. Крайсер Стат Вилдинг в Нью-Йорке—330 м.
91. Эйфелева башня—300 м.

Проект Дворца советом — 415 м.

ТУРЫ И ВЕЛИЧАЙШИХ ЗДАНИЙ МИРА И ПРОЕКТ ДВОРЦА СОВЕТОВ

Вынимали землю и одновременно изучали в техническом кружке, как класть бетон.

С. Виноградная

ДЕВУШКИ НАШЕГО МЕТРО

Осенняя золотая парк в Сокольниках, и стайки клевых ныряльщиков спускались на землю. Ветер гоня листья по аллеям, а сторожа сгребали их в кучи. Девушки с «Красного Востока» увидели это, лишь тогда трамвай свернула в Соколынинском кругу. Все было в золото осени и тихий джг. До того все было очень шумно и играло красным цветом: стены клубя, стол президиума, где горел огонь кувача. Это когда их провожали на метро. Длиннейшие полотна кичами: «Дадим метро 10 тысяч! Комсомолки!» Дадим метро 10 тысяч!»

Дали их: четыре комсомолки с «Красного Востока», четыре с 7-й трикотажной, еще с «Мощерстускою» и с «Фрезера» — 15 девушек будущей бригады бетонщиц. И еще около десяти тысяч комсомолок.

То есть не дали — эти комсомолки сами пожелали, добровольно. Когда их провожали, секретаря шлое говорил, что роду производств Ленинского ЦК, Сталина и Кагановича эти ребята и девчата уже не подпадают в уток для Москвы метрополитен — во!

И комсомолки, очень гордые, с шумом в ушах от веселых проводов, отпрыгивали на метро.

Когда с Ильинки послали их в Сокольники, на четвертую дистанцию, четыре девушки с 7-й трикотажной, которые вместе поехали на метро, поехали вместе, ибо считали себя девочками бригады, хотя никто их таковой еще не объявлял. В Сокольниках они увидели «з багрян и золото олетые леса и парк под шумом голубиных небом. Тихинку разали дщца: «Вот трамвая и их смех».

Контора дистанции помещалась на Русаковском шоссе. Здесь стояли грохот и треск, и ветер шел тучи шум. Песчаные холмы были высятся вдоль всего шоссе. Забором были бесконечно выдвинуты гавайя прохлады. Девушки бежали, закурмурся. Их рюшечки стали серыми и тяжелыми, а на зубаст серыха весок.

В котлоре их навязали на земляные работы. На те работы, откуда поднимаются тучи пыли.

— Вот получаем песочку! — сопела их-то.

На на следующий день, когда зрво приближение комсомолок и эти девушки с «Красного Востока», с 7-й трикотажной, с Мощерстуская стали на работу, кучасть песок не пришлось. Тучи переместилась с земли на небо, и шелся они не песок, а вода. Мостовая гузурмилась и булавала от дождя, а песок был мокрый и тяжелым. Сливку дождя и морские шпачетки, девушки одели сапоги и брюки. Рукавчики были огромные. Руки в них болтались и нитредно дерлакам таску. Надо было отвязывать песок. Работать было чертовски трудно.

Но жаловаться было неудобно. Рядом работали спяночки. Они могли засмеять. К тому же жалая тут маюба, когда строят метро. Беда не что амбула, а метр! Горный шум торжественных проводов еще стоял в ушах и заливая сердце, как дождя заливала в тот день соколынинские трамваи будущего метро.

Все не они очень обрадовались, когда парни, побросав лопаты и тачки, закурили. Можно было отдохнуть. Они присели на тачки. Но ветер так хлестала дождем, словно их вымывала ударную программу. Девушки впродолжит и не рады были поредевать. Нет, сидеть неподвижно совсем невозможно. Уже лучше работать — тепло, по крайней мере.

К концу дня они очень устали, и, главное, им надоело возить землю. Домой они возвращались хмуро и молчаливо. Неудобно было созвлекаться, что тяжело. А о другом не хотелось говорить. Но когда они вернулись в общежитие — поза им не дали новых помещений, они остались в общежитии той же бригаде, — их там встретили приветливыми рассматривающими, и они почувствовали, что их очень ценят, что ими гордятся за то, что они пошам на метро. И они тоже с гордостью рассказывали о своей работе.

Повысившись утром, они почувствовали разбитость в теле: стрессало в пояснице; особенно болела ладонь и локтевой рука.

— Это с неприятными, — думала они. Но в этот день тачки — чорт бы их побрал! — были еще тяжелеей вчерашнего. А лопаты совсем плохо слушались.

Сезонки, работавший рядом, спросил — не надо ли в замеску, а по сордочному: — Что, девчата, тяжело? — Да, немилоско есть! — нехотя созналась девушка.

Сезонки посмотрела на них снисходительно и добавила:

— Ничего, девчата. Спервоначалу они всегда трудно. А потом легкой пойдет!

Надежда на облегчение веселела на минутку испари в глазах. Но следующая минута их погущала: тачка становилась все тяжелее и жгла ладони. Хотелось слинуть рукавицы — огромные брезентовые мешки — с рук. Но без них было совсем плохо. Шуршавал от прикосшей тачки лопата истерала коку.

Их работа отчаяние. Когда произносила обид, устае, полегало в стовую, не ожидая ничего хорошего. Но, прийдя туда, обнаружилось: на кулини доносился дробнейший шорох, гороховый дуги шпестливо дымилась, и стола он всего 19 конек; в менто были и закрывшая куртка и котлетка; все было висуно, делово. За рубль двадцать копеек девушки получали российский обид в трех блат. Доломилась, согретись, поворачивались они на работу. Прохвоние оглаждали их: кто с любобитством, кто с восхищением. Они делали вид, что не замечают этого внимания и вышло персидским алфур, засунуть руки в карманы. Но внутри, что все играло и мило от сознания, что на них теперь все смотрят, что они работают на величайшем строительстве, что веде им — внимание и почет.

Навсего, они выжили за тачки.

Но спустя два часа уже не слышно было ни их голоса, ни весел. Девушки молча откатывали тачки. Озел золотом, устали. Им казалось, что день безжизненный и вторая смена шикого не придет...

Ночью, лежа в постели, Навалкинет даже запылава.

Утро хмурилось как и она сама. У подруги пришла ладва.

— Никак девчата тоже плавали, — подумала она и улыбнулась. — Нет, так ладва, надо что-нибудь придумать.

Вечером, на собрании бригады, девушки заявили, что работать трудно, но они обязательно вымолит пави. Их расставили вправо. Стало пезового места. Постепенно они привыкли. Но дожди и ветер дожила их нежданно.

А песчаные холмы все росли и росли. Теперь надо было подбрасывать землю из лопатей в саамый верх. Грязь забиралась выше звуковых сигналов. Но глаза их смотрели в будущее: они видели промывные галереи, по которым пойдут вагоны. Это будущее лежало вшву, где все шире и глубже расширялась котловина. И чем больше они угадывались, чем грязнее становилось вокруг, тем чаще мелькала их мечта в газетках, на стенах, на полотнищах у входов в недра метро.

Так прошло два месяца, и шла третий, как бывшее везавидным, текстнащим, саасари, измене предсе квалификация, стоила на земляных работах. И хотя это была черная, неквалифицированный труд, именно его считали горейшим. И хотя это была черная, неквалифицированный труд, его хороню оплачивали. Выше чем на фабрике. Потому что это особая, ударная стройка.

Они вынимали землю и одновременно изучали в техническом кружке, как класть бетон. Занималась с ними инженер. Девушки с посылками вниманиям случался его слова. Они шли и новой квалификация: перед ними расширялась тайная бетона.

На исходе третьего месяца 15 комсомолок сдавали техзаказы.

Девушки отчаянно хороню они знали, что нужно следовать за инертными материалами, чтобы они

Лия Петрова у лобедики в шахте № 19.

бман подолзрети: они знали, что если температура бетона ниже минус 1°, тогда нельзя класть. Знали, какого размера песок и щебень нужно класть в бетономешалку.

Их поставили шесть «корошей» и семь «отлучиц».

Тогда-то и образовалась первая и единственная на 4-й дистанции бригада бетонщиц с бригадиром Надалькиным. За бригадой закреплено звание «им. 15-летия КСМ». Из сотни комсомолов 4-й дистанции выпялился имена комсомолок Станисского района.

С «Красного Востока» — Дуся Варфоломеева, Раиса Соловьевич, Зоя Сергеевна, Дарья Левада.

С 7-й трикотажной — Кулебяшова, Раиса Райхманна, Людмила Надалькивич, Меркулова, Корнеева, Туркина, Краснова.

С «Москвитер-сучева» — маленькая, худенькая Нина Немцова и Вера Слепнева.

С завода «Фрезер» — похочная на мальчишку Анна Скопцова.

Все они были 1912 г. рождения.

Они бетоновирали котламам.

Они стали на ответственной участок, вооруженные новой квалификацией.

Делушки сразу поднялись очень высоко на дистанции, хотя работали густо внизу, под землей. Заработок их сильно поднялся. Они получали по 180 руб. в месяц, а Надалькивич — 220 рублей.

Они тщательно следили за тем, чтобы бетон хорошо утрамбовывался между арматурой. Когда казан сто в лоток или перекрытие, зорко следили, не засорил ли он щебой, битумом. Метельная грязь была ходила в их руках уверенно и ловко.

И когда 60 метров котламам были готовы, в том числе та стенка и перекрытие, которые казан первая и единственная бригада бетонщиц, и рабочие сняли опалубку, инженер Кузнецов признал высокое качество работы инженера.

От этого они почувствовали себя так же хорошо, как в тот день, когда они впервые явились на метро и влад ними силнее небо сухой осени и горели золотым казан Сокольничьего парка. Те-

Бывшие вязальщицы, текстильщицы, слесарши...

перь была зима — суровая, снежная, долгая. Но бригада не отступала.

Давно престало ломить плечи. За работой на свежем воздухе девушки поодоровали, окрепли. Их окружали всеобщие внимание.

Томаю Надалькиным с подругами повсюду на 7-й трикотажной, вязальщицы окружат их и забирают вопросы:

— Ну, как метро? Будет в XVII годовщине? Не подождете?

И заболтали:

— Девчата, вам очень трудно? Мы помочь можем, вы только скажите.

Они отвечали:

— Конечно, трудно. Но ничего, справимся.

Тогда работницы 7-й трикотажной пришли к ним в Сокольники, на дистанцию, и устроили субботник. Пришли и помогли откатывать вагоны.

О них заболтали. На фабрике сваяли для них шерстяные костюмы, одели их в теплые одежды, чтобы не простудились, чтобы тепло были одеты по спорщикам! Они и сейчас щеголяют в этих красивых серых костюмах.

Потом приходил их навещать секретарь комсомольской ячейки Колотухин, спускался к ним в котлавы. Посмотрел и сам вскоре пришел работать на метро!

Послали же в фабрику в глубины котлавы в Сокольниках комсомолки все время чувствовали себя связанными с прежней работой, с организацией, которая их послала. Это было сильнейшей поддержкой, это подталкивало, это поддерживало в труднейшие дни и ободряло...

Людмила Надалькивич — бригадир — выдвинули в участковой профком. Она сидит за перегородкой в котлавы, вольном на амбар. Дисциплина, удальничество, соревнование этого большого, ушедшего под землю участка — предмет ее забот. Во все даму обшитых лесом галлерей движутся люди. Вагоны, изверные склады, вытесные доски, инево живые шнеки, под которыми

ми влод нади согнулись, — все ей знакомо. Она проделала весь путь — от откатки земли там, наверху, до бетончицы котлавы здесь, внизу, где талая река Рубинка, теперь впадет в колоб, и где уже четко видны контуры будущего тоннеля.

26 февраля Надалькинич вызвали на совещание к секретарю Московского комитета Лаварю Моисеевичу Кагановичу. Какой день! Словам умильцу проступала большое желание.

Вызывают к Лаварю Моисеевичу!

Она почувствовала, что это очень большое, как тогда, когда решила добровольно уйти на метро.

От волнения она последний час не могла работать и собралась ехать на час раньше.

Она знала, что у Кагановича второй день встало совещание с метростроителями. Но то — с секретарями ячеек, с инженерами, с начальниками дистанций. А ее почему же позвали?

В МК она послала вместе с секретарем ячейки, Шпанка ее сбавил на этакое, а перчатки она забрала в котлоре.

Трамвай бежала мимо песчаных насыпей метро, мимо сокольничьих заборов, мимо подметных крапов, бетономешалок, вагонов.

Была сильная как зимнего морозного вечера, и опил на Комсомольской площади и у кесонов были особенно ярки. С площади трамвай раскрывал весь фронт строительных работ, невидный пешеходам.

Надалькинич в сотый раз сморзела эту картину, а секретарь, вносил, а замшевом полушубке, говорил о кесонных работах.

Она еще думала о том, что будет там, у Кагановича.

Когда она отдала часовым пропуск и пошла по новому, помеченному секретарь красной коридором в зал заседания, трюлет стал факти.

Когда Лаварь Моисеевич начал совещание, трюлет и оживление чего-то особенного прощам. Все было просто, очень серьезно и по-деловому.

Из ста человек, вставших сюда, подымались начальники дистанций, шахт и сообщали о ходе дела. Назначали сроки окончания работ. Объявляли причины отставания.

Перед Надалькинич раскрывал картина сооружения всего метро, всех его четырех разнанных способов работ.

Она узнала, что Арбат — вперед, а Сокольники — в хвосте. Она слушала кесонщиков, трикотажников, шахтников. В одну точку ее сведения о метро, ограниченные раньше четвертой дистанцией, расширялись до всемогущих границ.

Когда окончилось совещание, было 4 часа утра. Она пошла домой. Там уже принимали к ее докладу возвращающихся, принимали к тому, что она вот уже полгода говорит только о метро, и за это ее прозвали «Метро». Дома знала, что дистанция значить километр пути и что будущая конечная станция — «Сокольники». Что песок откатывать — не простое дело, а дело чести комсомолки. Знала, что фабрика не забывает успешных на метро комсомолок. Знала про субботник, про шерстяные костюмы, про то, что на метро хорошо кормят.

Во возвращаясь в автобус в часу утра — это уже слух!

— «Метро», что так рано? — анализировал ее кто-то.

«Не раская на себя, раская ты же и один комсомолец», — сообщила, — да была. И в предпоследний тивные слова рассказывала все то, что здесь написано.

Она тщательно следит за тем, чтобы бетон хорошо утрамбовывался.

С киноаппаратом за полярными

(Очерк участника чукотской киноэкспедиции, работавшей на берегу Берингова пролива в 1932—1933 г.).

Настал долгожданный час, и мы с оператором Солодковым грузимся на нарты: аппараты, оптику, запас дров, путевые рюкзаки с провизией на сутки и дробовик для развешивания.

За нами пришли Тамирзьян и Аиват — два охотника с вельбота, на котором мы поедем на охоту.

Они нас торопят, очень торопят. Идет плавающий лед, из которого плышет морина, — их нельзя упустить. Видь летний сезон охоты так короток по сравнению с бесконечной полярной зимой, которая надолго скучет ледяными океанами.

Чужим людям морюловые шкуры для покрытия жилищ, мясо и жир для собственного пропитания и корма собак и оленей, которые они скучают в кооперацию с бесконечной полярной зимой, табака и красивые цветастые ситцы, из которых ледяники шьют камушки.

Вещи уложены, и собравшись, мы складируем нас на непроходим, уже весенний лед Берингова пролива, вывороченный широкими тесинами с проступающей между ними водой.

Прямой лед еще широк, километра полтора, и до вельбота нужно ехать по льду на нартах.

...Взвесил переулочка аппаратура на вельботе, затрусила полярной гура-мотор «архимедус», и мы тихим ходом начали пробираться на крошечном рыхлом льду, оттапливаясь от более солидных льдин вкосьми. Сейчас вонь гнилая, вонь воньет бычьей и полярного круга в нас, когда солнце круглые сутки колесит вокруг всего горизонта и заходит лишь

на несколько минут за море, оставляя багровое зарево, окрашивающее отблесками свиноевую воду.

Мы уже выбрались из прибрежного льда и идем полным ходом в открытом море мимо плавающих айбургов самых разнообразных форм.

С шумом и плеском вылетают из-под самого носа вельбота тонорки, волоча по воде тяжелое туловище. Перебегают дорожки стайки уток, с торжественным криком носится черная гагара. Полярное лето началось.

Ставший на нашем вельботе — дуканый, подстриженный в кружок Келеуче обводит горизонт неизвестно как прозябшей к нему старинной полярной тушкой и оплывшим, быстрым взглядом оценивает зарывшийся вынестер, приготовленный гарпун и вправленные фигуры охотников. Мудрый Келеуче — старый охотник. Он хорошо знает все повадки морской и приспособился к ним, но кино-съемочный аппарат заострит, очевидно, какой-то элемент бесповоротности в охоту. Келеуче быт, не уйдет ли морж при виде аппарата. На всякий случай он попорил нас одеть на «машинки» чехол из белого сукна, чтобы аппарат был похож на кусок льда. Бусские на вельботе на морской охоте — невиданное дело, и Келеуче беспокоится: а вдруг из-за них не будет удачи? И, действительно, обстоятельства складываются пока неудачно.

Только раз круглая, коротконогая голова перлы (голова) вынырнула из-под воды и с любопытством повернулась в нашу сторону.

Аиват быстро вскочил к плеску вынестер, но

повоевательный окрик Келеуче: «архимедус» (исав-ва) — заставил его отказаться от выстрела.

Сегодня они должны убить много «архимедус» (моржей), а поэтому нельзя тратить время и патроны на мелкого зверя.

Если сегодня не будет моржей, значит, председатель совхоза обвинивал Келеуче, когда говорил ему, что моржи не разбираются в индивидуальности охотников и не уважаются русскими. Значит, прав была маман Таюте, когда обижаясь и намеками говорила Келеуче, что он навелет на себя гнев духа моржа, если возьмется за охоту кинооператора.

Долго смотрит Келеуче в трубу.

Лицо его делается напряженным, и он быстро выключает мотор.

— Рыкрат! — свистящим шепотом говорит он, покачивая в сторону причудливо нагроможденных ледяных осколков.

Быстро разбирают охотники короткие весла и гробут, стараясь не прозвонить шума.

Тихо-тихо поднимаем мы к льдине.

Ша-ш-ш... — шумит стелющаяся струйка воды, когда один бок вельбота приподнимается над водой.

Лескуна железом вынестерим.

Медленно отбьем ледяну.

И-за-за поворота показывается на льду четкая огромная моржа. Как богатыри стоят они, приподнявшись на передних астах, плечом к плечу, и внимательно смотрят на невиданные существа.

Резво разорвал тишину нетерпимый шаг.

Кровяные пятна медленно расплывались по мощной груди одного из моржей.

Трое остальных грузно плавают в воду.

С ловостью хищного зверя выскок Келеуче на вельбота с гарпуном в руке и, пороскавая огромными прыжками со льдины на льдину, погнался к моржу и возник в него гарпун.

Вадорнука огромная туша тяжело раненого животного.

— Мильхер (огневый лед)! — крикнул Келеуче с ему быстрее передавая вынестер. Келеуче выстрел моржа в голову, и тот, испугавшись твельмэй водо, замирал.

Только теперь можно спокойно рассмотреть убитого моржа. Подоткры тонны — приблизительно вес этого животного, большого, с огромными бивнями, длиной около метра.

— Якгам (очень хороша), — говорит Келеуче, опытным взглядом оценивая тушу.

Все охотники вылезли на лед, вытаращив на него максимум бусуочки и поточив ланки. Другим и умело принялся за разделку.

...Тихо потрескивают наши аппараты, фиксируя ценные кадры. Шелчу с этого моржа не снимают, се режут на части вместе с мясом. Это будет «копальские» (жир для собак).

Сложенная в яму, змриную в вечной мерзлоте почив, и замаскированная сверху твельмэй камнями, мясо заморавет и сохранится всю зиму.

Разрезанный из части морж складывается на вельбот. Ничего не оставлено и зря не пропадет. Из шкурок, промывать и просушивать, будут сшиты непромокаемые плащи, из желудка сделают вывучные бубны, под звуки которых танцуют по праздникам молодцы, а лапы, провяленные и просушенные, будут подаваться как лакомство уважаемому гостю.

— Намельсан (хорошо), — улыбается, говорит Келеуче, обмытая в морской воде руки.

— Намельсан! — повторяет мы, доводящие не меньше чем он.

...Бивни—длиною около метра.

Дружно принялся за разделку.

БОЖОК

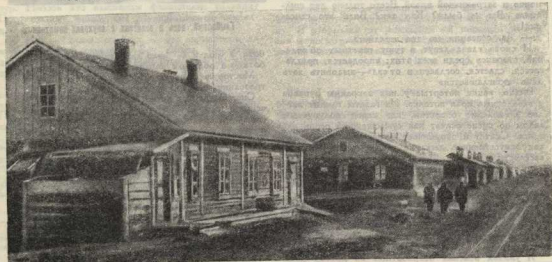
На севере, между мохнатых сосен,
 Гулом пугающих вышней,
 В продолженном чуме жил раскопый
 Лесной чаловечек Сайво Миншу.
 У него были саки, шесть оленей,
 Жена, собаки и невода.
 И жизнь была б слаще чем жир тюлений,
 Едал бы не одна беда:
 Он палло подкармывал духов рода,
 Прелань сердилань, и как-то раз
 Недобрый дух туманную воду
 Налил ему, спящему, в щели гала.
 Сильно северной ночи скупо
 С тех пог мерцало в его зрачках...
 Безрукого бога в варде блуном
 Шаман ему вырвала из сучья.
 Шаман постукал в музотворный бубен
 И палочкой помешала в огне.
 Шаман сказала: «Поздари мне шубу,
 Корни его мисом. Пройдет к весне...»
 — Вымечет хитрый божок? Обманет?—
 Думала ночами Сайво Миншу.
 Божок с'ла собак. Божок с'ла саки
 И... дожда лему.
 Однажды, в какой-то денек погожий,
 Миншу валескин сгребал в лесу,
 Приехал русский, обинтый волей,
 С звездой и со стеками на язу.
 Русский пятался от дома к дому,
 Курли, меша сапогами трели:
 Вальнула на Миншу, сказала: «Трахом».
 Дал мазь.
 Начал Миншу потихоньку от бога
 Мазью тереть глаза. Тогда
 Стала из щелочек понемного
 Мутная вытекать вода.
 Вытекала. Стало светло как в сказке.
 Тундра в снегах лежит, широва.
 И маленькие восьме галакх
 Сайво Миншу пидяла на божка.
 «Если б не мазь, — он промояла богу, —
 Я бы с тобою совсем зачах».
 Вода испрительно божка за исту,
 Палону и палована в очаг.

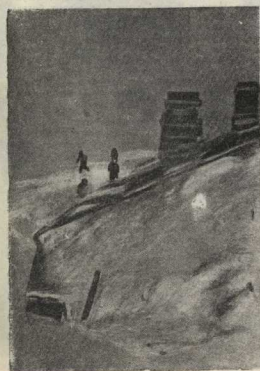
Тов. Нермен—секретарь анадирского окружного комсомола.

Старый чунча.

Здесь разместилась культбаза.

Засыпанный снегом домик киноэкспедиции.

Мотором управляет комсомолец Такютгин.

СЛОВО, КОТОРОЕ СЛОМАНО

Вена.
Венский судья.
Венский вальс.
Шиндлер по-венски.
Венский оперета.
Кофе по-венски.

Какой уют аэлитного чревоугодия!

Скажите венцу: «Прусски!» И угам губ отта-нуты зина, ибо в этом слове известий оярик ка-мандира. Скажите: «Баварски!» И возмывает нечто гудное, элитно-аристократическое, провинци-альное. Скажите: «Саксонски!» И вам в ответ рас-слышало весело, ибо «саксонски» на языке обывате-ля — это нечто рыцарь, несладкое, постоянно попадающее шприс, а также германская Польша-ш.

Скажите: «Венски!» И вы немедленно перейдет в улмбук. Как же — старая Вена, летняя радость, певучая молодость, августуси на Пратер и «ге-мотахейтер» — уют. Самой легкой из всех гер-манских утов.

— Вы едете в Вену? — говорит мне кавари-прохажива-бермачи весной 1931 года. — Вы увидит-е самых остроумных и самых певучих венцев. Они способны судить сидеть в кафе за единственной чайной кофе, купленной ранним утром, меняя толь-ко стакан за стаканом воду, лучшею в мире венск-ую питьевую воду. Вена — это самые замечате-льные и красивые денюшки в Европе. Даже по-людейши на венских перекрестках разговаривает вымче, чем ваш бермачи... Наш пруссак рливает, свачиваетестьи безими почтывати. Его лезви «дадут» — дакт. Венский штурман несомненно бо-льшее на перекрестке, успевая хлопнуть по вду-нице проезжающего велосипедиста, бросить шур-чик лезвию, турнуть над ломовником; не много ли кофе перепить, что медленно едет? Не самый дакт, но «гемотахейтер» для него пресладе всего. Впрочем, — добавляет бермачи, — у «гемотахей-тер» есть другая сторона. Она называется «шам-перей». Приветливый венец вас радует, забав-ляет, не явится поворота.

Поса объясняя бермачи, прело мне пропала-ли русские слова «третяк», «шампак».

— Ах, Вена! — заключил бермачи. — Непре-менно посмотрите Пратер и его денюшки, если, впрочем, эти денюшки не останавимся, потому что...

Здесь с его лица сбегала последняя сладость.

— Ах, этот крикис! Ах, эта безработица! Там тоже трудно жить.

Перед кафе эстрийскую границу был так не-известен, что, как ни сласно, не могу припомнить, просматривала ли кто-нибудь мой паспорт или нет. Я очутил эту границу на другой слас, почти в газете, что австрийские власти не дали вехать вестелю Людвигу Ренну, собиравшемуся проехать в Вене лежучи.

На одной из венских площадей мне показан большое здание, стоящее в лесах, как будто бы за

него владел Моснадстрой. То был знаменитый венский суд, разнесенный в осколки взостанием 1927 г., когда над пресекнутой уютностью про-несли вестий металлической, ничего общего с «шамперей» на немецкий голос венского прола-риата.

Среди штурмованных суд был Ренн.

«Гемотахейтер»?

Детинством: в кафе сидят люди в котелках и фертовых шляпах. Они пьют единственно на целый день стакан кофе, зашивая его бесчислен-ными стаканями лучшей в мире питьевой воды. К их усугубит переплетенные в кортвинный коллор комлекты бумбарных, плаутоахных и во-сем лоблабых журнвалов. Но они охотнее читают заднюю страницу газеты, где очень много «вещей», но не те, которые шумят.

Иногда они отрываються от объявлений и гово-рят о новостях.

— Как вам нравятся это правительство? Оно же на поводу у фашистов! Достаточно было вези «ордонисими» молодцам сорвать в Венецию с экрана фильм «На Западе без перемен» Ремара, как зле-те его запретили и в Австрии! Впрочем, знаете ли кто на это налякис? Чехи. В городе у самой границы они прозывают этот фильм. Беды от Вены два часа. Вена на слас является одиовре-менно и лагриничной визой. Всего только два шла-мга. Вы не бьяти? Как так? Ведь это сенса-ция!

— Да, сенсация; но два шламга...

И снова глава лезут в гуду газетных «вещей», стараясь средь всех втез; шпродаете, предла-гаются, садятся, согласен в отлас; — вывалют хоть олю «протрагиваются».

Визно, какле потертые у них закраним журав-ко и засаленные края котелка. Из газеты гудит на-кое объявление оперети, где перед получением лямом по цене сласет как сумасшедший ооон ав-стрия. Слает и сооричает бонная венгера, дела-вая искусственное дыхание традиционной венской веселости.

Австрия — страшный оброек, наломанной ладки мировой войны.

Страна без промышленности. Семь миллионов жителей. Из них три миллиона в столице.

Город Штеер, по существу агитрок большого автомобильного завода, стал городом сплошной безработицы.

Я увидел венских безработных на другой слас после мотала.

В Вене сидят редок и чахла. Ее латни строится на сетке из искусственно охладимых труб. Но на этот раз снег навалило до колена... На всех перекрестках выпоркан лопытами и движками. Метель подвывает гронового сытия безработным. Это их движку муциализирует на улицы убирать снег.

Только тут стало ясно, как эта безработица гав-

Гибельный, весь в заплатах и опухших помпачи...

бена. У анкой не было даже провоздене. Они рабо-тали в обычном расхожем свете котелко.

Мостовую серебрил сласер, унителница, эскри-тротинги, шурки, буючиши, лезви.

Снег свывался с краев. Со свавотными висот го-тисского собора святого Стефана тало свывался снег. Это стреловидная громада так велика, что почти не воршил, чтоб ее можно построить люди. Это целый разнотипный древолет тех времён.

Кушни карновы, алмер черочни методически сыпалось с его контрфорсов. Специальные сторо-жа подбирают их, воздвигают на место или свезе-ны камнями заоблачный обываеши.

Собор стоит на шести арках потребов. По им сторожа вводят одиночных австрийских туристе, чаля бумажными флажками. Америк чалят маршо-во, для пользоти. Эти штаткиши, камри и сласки турово даже вавати потребами. Это целые шакти. Суда везут люди на собора.

20 тысяч чумных замуровано здесь. Гибельный, весь в заплатах, опухалок, жестях и антегах, па-мачиши сласет урляющим тычком как оглазненный вадок оуманного города.

Под драмовыми сводами перелетаются отдуля жулики. Читыеми светые сидят в золотеных будках.

К втеи будкам — очередь. Первая — она очень длинная — и сласиток, который читает или хорон-ный помпачи в несчасных. В другой будке — маюния, которую привито благодарит за усла-нившую помпачи у помпачи.

К этой маюнии подхалет люди рядами. Язго, что буюо злобой втеи небесной зампачиши рабо-тает куда интенсивнее чем комиссия исполнениа.

Хозяевами Австрий были фашисты. Но в Вене эти хозяевами считали демократы. Мияя позна-комная с тем же инк, который возмывал Общен-е друащи Советского союза.

Он был благодушен, улыбкиши и широк в жесте.

Он позва мияя поавывать две вещи, о которых австрийские социал-демократы твердят на весь мир: рабочее строительство и детские дома.

Мияя поразил элитический тон его разговоров о строительстве. Вышлоило так, что социал-демокра-ты пороят скорее оказывать рабочим возможно-мее благодеяния, пока еще они у власти, ибо, конечно, не сегодня-завтра их сбросит фашизм.

— Объясните мне, вот вы, человек из Москвы, откуда такая несправедливость к вам, австрийским социал-демократам? Уж вы же не лезли? Вы и знаете, что вас за лезвину поимлет социал-демокра-ты германские. И в то же время нас зашуют коммунисты. Я не говорю уже про наших австрийских коммунистов. Это вообще алмади отгратитель-ные (тут лицо его изобразило подлинное олаблече-ние). Но и наши, московские коммунисты, кото-рых вы же не уважали? ..

— Что мне было ответить?

— Дорогой господин оберпрезидент, — сказа-ла и, памятуя инстинкт германского квартирова-льщика о том, что нет народа, который более лю-

Метель подвывает гронового сытия безработным.

был бы титуловаться чем-нибудь бюргером. Господин безбарботный, ест, такая материя, которую называют «швейцар». Посмотреть справа — она сына. Посмотреть слева — желтая. Или, определе, какой ее истинный цвет.

На этом политическая часть разговора оборвалась.

В детских домах было стреляновое все, вплоть до атмосферы и персонала. Посетителям валежали на ноги турки, как в музейных дворцах, чтоб не вынести пламени. Комитет национальн лаборатория деинструированных адегалогических кружков. В одной комнате дети орудовали только монтеessoriански: разнообразными обрубочками. В других — детей воспитывали на рисунке и игре. В третьих — они играли только предметами обихода: кофейниками, печенками, вешалками.

Стены главной залы были зарисованы ярмарочными и кинематографическими сценами. То было творчество самих ребят.

Я спросил спутника:

— А где их стеллажи?

— Голос спутника сразу посерел.

— Мы этой системе не существуем. Газета — не детское дело.

Он искренно думал, что обязательствывал пролетарских детей, помещая их в эти инноваторы и строя их прекрасные, нужно отдать справедливость, вполне лаодскими, малыми бассейнами проточной воды, где без риска утонуть плылоцуть в летнюю жару сотни малышей.

Потом мы зашли в зал рабочего клуба, где вечера только была лектория.

В зале бюрдына в комнате там громадные кариатуры. Лициндра в кресле с полумесяцем на голове, бюрдына в чалме, тетка с лабуном вместо головы. Меня заинтересовало:

— Расскажите политический смысл этих кариатур. Небось это высмеивает фашистские главари? Профсоюзная чепуховня? Муниципальные тупедажи?

— Нет, — сказала спутник, — это кариатуры на мифологические сюжеты. Бог Дина, там Зевс, там же Зевс. Когда рабочий веселится, он хочет отложить от жалити.

Меня подвели к дому-вешалку. Громадные повурывае арки прослали вину его безрадостное тумалоше, заляпанное олообразием окон.

Подходи к дому замызган реветни гуашитворного типа.

— Это сидела мн, — сказала рядом доломный голос. — Это образованн дом для рабочих. Дом им. Карла Маркса.

И он очень полчорнула слова «Карла Маркса», как бы обиде, что вот кому-то его это похвало за полноту политического смысла.

В конце этого дома бма музей, показывающий,

как дом устроен и как с наименьшими затратами организовать уютное жилье. Я предлооче посмотреть радиотую квартиру.

На одной из моих лекций меня познакомили с безбарботной безбарботной девушкой, которая жила в этом доме с матерью и согласилась показать комнату. На за день до осмотра девушка позвонила и сказала, что просит не заходить.

— Мы одином бдем живем, — сказала она. — Матери будет приятно показать такое жилье иностранцу.

Сейчас этот дом — рываллион. Возможно, что сырад хейнвера довершиа уютность дежушковой комнаты.

Я читал в Вене о козломом строительстве, о писателе в колодезю и показываа стонные газете сверхреволюционских станци и МТСовские плакаты.

Зал впереди четверта, пришло восьмисот. Невместившихся разогнали в коридоры польдефски. Не знаю, турками ли они с привидениями и поклонывали аи «геометрико» по плочу?

Столь инноваториванной атмосферы и не видела ни на одной из моих зарубежных докладов, а прочел я их одиначдцать.

При каждой цифре, отмечавшей колоссные успехи, зал врывался аплодисментами, и аплодисменты перешли в приветственный реф, когда по экрану дежулакс трактором везли вала «Генити». Комсомольца, гордые, как бы готовые в атаке, теснили к кафедре. Всякий раз, когда я называл ярмарочный козломый эпизод, они врывались на аудиторию полувреветивательный валак, как бы упрощая ее.

— А ну? Разве мы вам не то же говорим?

Когда вкраном пошла комбайни, кто крикнул:

— Свинство Австрию и весь земной шар!

А потом настала шарокающая подолывами тишина. Меня шестого попросили остановиться на минутку. Я оторвался от лекционных на писуре заниски и посмотрел а зал: по средину проходу выносил ного-то, ухвативше в оборот.

Жары в зале не было. Накал — да.

Второй раз я читал утром два часа рабочей аудитории. В зале было много девушек в амидных бюксах и гарнети с закрывами на плечах. Рабочие слезоточиво жертвовали радчайими а Вене делом обильного адыного снега докладу а Советском союзе.

Я рассказывала как мешали кулаки-овершеты козлову завести свое овершество. Но как в конце концов козломонин с помощью советской власти пригнали этих кулаков и отравили их куда следует.

— Зер ринт! (Правильно!) — кричали из зала, и в крик этот бмаи густо зашамкали женские голоса.

Когда я вышла с лекции с одним из неотучимых

герр безбарботов в валеке, из-за автомобиля кинулся ко мне человек, страшный, будто встал на пономийн глазах, нырнул под мостки. Был он небрит, раскрасоваа. Он умоляюще сложил свои огромные лапты, обмороченные руки и стал просить прощенья, как бы боясь, что его сейчас оттадут:

— Товарищ! Повторите ваш доклад для безбарботных! Пожалуйста, прочтите для безбарботных!

Мое положение было затруднительно. Я была не хозяин в своей лекционной программе здесь, в кутелке справа. Я кинувшая своего соседа в кутелке.

— Пусть он организует, я буду читать.

Тогда он отточина, злобно оскалился, как будто впервые увидел моего спутника и замаях а его сторону кулаком, далеко вышвырнувшись из короткого, заморочившись пятнами ртава кулаки.

— Эти угрозы! Дерни карман! Они чертено в своей своей демократической гавсти не дадут объявление о сегодняшнем нашем докладе!

Безбарботный появился у автомобильного окошка. Приложив к нему ладони, он взглянул в темноту и видно, разгадал меня, закричал:

— Товарищ! Напиши мн письмо об этом свинстве, да только смачнее...

— Этот еще верба в письма.

С группой молдалян я возвращался в Вену из поездки в пригородную деревню.

Мы шли гурьбами, торопясь к станции, музидной, дорожной, громаднейшей. Оставалось еще шагов сто до выезда. Где-то далеко пропел гулко. Девушка, шедшая с нами, бросилась вперед:

— Эй, сюда хотиче поспеть на посыл, тогда русские темелки!

И все бросившись воесяем бегом, а слова девушки: русскими темелом, советскими темелом — слышали мне, что в сознании зарубежной рабочей молодежи растлываа, медлительная Русь твердо перерождена в самую стремительную и самую мелодию в мире страны, которая учит и другие страны, как битва в своих Пренсах, на своих Аворох, быть собою с Преноча, чтобы затем строить свои Минтети, Дворосторы и МТС.

Умбчатая «геометрико» старой Вены расперелана бюмистами ярвоваго карлика, австрийского Тьеры, которого за малей рост прозвали «Миниметриолом».

И вот уже кто-то говорит: Вена, — не венский вальс вспоминается, а выстрел флоридсорфенских свайнерок-пролетариев, сумевших драться не хуже парижских, кингтонских коммунистов.

Слово «слово».

Не венский стил. Не венская оперетта. Не норе по-венски.

А терор по-венски. Венские восстание. Венские баррикады, на которых бьются сегодня предшественники краснойгвардийцев.

Слово «слово».

Не венский стил. Не венская оперетта. Не норе по-венски.

А терор по-венски. Венские восстание. Венские баррикады, на которых бьются сегодня предшественники краснойгвардийцев.

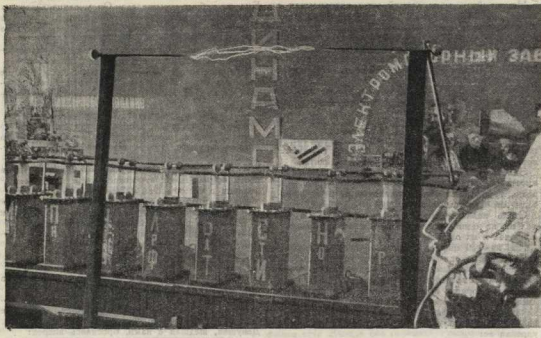
Слово «слово».

Не венский стил. Не венская оперетта. Не норе по-венски.

Слово «слово».

Австрийские флюоридорфенские снайперы-протария на дворе полицейского участка.

Украинский физико-технический институт работает сейчас над проблемой искусственного превращения элементов.
Для этого превращения необходимо перестроить ядра атомов, что возможно только с помощью высоких электрических напряжений порядка сотен тысяч и миллионов вольт.
Напряженье это может быть получено из первичного тока посредством его выпрявления через выпрявительную лампу (конкатер) и затем — многократным повышением напряжения в приборе, называемом генератором молний.
Фото изображает установку генератора молний в Харькове. Между двумя проводниками проскакивает искра, представляющая собой искусственную молнию.

В. Е. Львов

НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ

ПУТЬ К АТОМНОМУ ЯДРУ

Величайший подвиг социалистической революции порождает, как это и можно было предвидеть, новую революцию в физике.

Мы являемся свидетелями отчаянного гигантского прыжка науки в глубь природы. По сравнению с этим прыжком все сделанное в 1900—1913 гг. (открытие радио, электронов, рентгеновских лучей) отходит на второй план.
Это можно было, повторно, предвидеть. Все переломные моменты в истории человечества сопроисходили величайшими открытиями науки, новым штормом природы.

Что было, когда на исторической арене появились промышленный капитализм?

Капитализм сталюлся к молекулой.
Все тело, живое или, как бы сложнейшие они ни казались науццу, состоит из молекул, ивзвешенных даже в микроскопических, называемых молекулами. Равные химические вещества построены из равных по качеству молекул.

Научиться превращать один молекулум в другое значило бы научиться преобразовывать одно вещество в другое. Для того же чтобы передать молекулу, надо сначала пронизуть внутрь нее.

И капитализм силадо это. Он прорвался внутрь молекулум. Он расщепил ее на еще более мелкие тела, называемые атомами.

В природе существует 92 сорта атомов. Сделав по несколько штук в равных комбинациях, атомы образуют миллионы разных молекулум, миллионы разнообразнейших веществ. При помощи высоких температур и давлений в тиглях и автоклавах капитализм научился расщеплять атомы внутри молекулы. На этом фундаменте, на фундаменте молекулярной физики и химии, на фундаменте Лавуазье и Менделеева стали возможными анимированные краски из угля, бензин из нефти, искусственный сталь и болваный порох.

Измерив и взвесив молекулу, расщепив ее на атомы, составил число атомов в грамме любого вещества, физика остановилась в 1900 г. перед атомом. Надо было двигаться дальше, идти внутрь атома и организовать новую разведку в недрах материи.

Это и совершили. В 1900—1913 гг. атом был разбит штормом физики — физики Кюри и Кюри, трудами Мозлиа и Борра, распуштанными до конца стрелоне атомной оболочки. Она оказалась состо-

явленной из частей, в триллион раз меньших чем атомы, из частей, называемых электронами.

Что означало открытие электронов в первом по промышленной важности? Каждый раз, когда по электрическому проводу бежит ток, об атомах атомов отрываются и затем летят вдоль по проводу электроны.

Победоносная протестарская революция реализуется сейчас по-настоящему ресурсом электронов, возвода на берегах Днепра, Сулакя, Ангара, Средней Волги мощные гидроэлектростанции.

Но это только начало. Потому что, кроме оболочки атома, существует еще атомное ядро.

В ядре сосредоточены положительная и качественно решающая часть всей массы атома. Оторвать от атомного ядра кусочек его массы или, наоборот, вогнать в него порцию массы ивине — значило бы изменить качество атома, превратить один атом в другой. А это в свою очередь означает превращение одного простого химического элемента в другой, потому что 92 разных сорта атомов составляют 92 простейших элемента (самый легкий — газ водород, самый тяжелый — металл уран). И подобно тому как перемещение атомов внутри молекулы дадо капитализму возможность превращать один химический соединенье в другое, открыв путь для промышленной химизации промышленности, подобно этому перемещение внутренности атомных ядер неминуемо вооружит социализм умением превращать один химический элемент в другой. Неограниченная сыпучая галька над материей! Получение рудчайших и драгоценнейших веществ прямым превращением из доступных и дешевых элементов: гелия — из водорода, золота — из ртути, платины — из олова.

Штурм ядра начнется 11 сентября 1919 г. В этот день английский физик (один из знаменитейших физиков мира) Эрнест Резерфорд впервые пронизывает ядро атома азота.

В ядре, наполненном газом атомом, Резерфорд помещает крупную радию. Равным лучи — налетали на азотные ядра. Равным лучи вышибали из азотных ядер ие что, что ударилось о стенившийся яхри и вышибало из него ядро.

Измеряя силу удара и дальность полета выбитой из азотного ядра невещной частицы, можно было расшифровать ее.

1. Это такое ядро и его ядро, см. текст.

Это было тело, всеядие ровно стояло, сколько весит атом азота легкого, водородного атома, и зарядовые положительные электрические зарядом. Резерфорд назвал их протонами.

Значит, внутри атомных ядер во всяком случае есть протоны. И легчешие из ядер — водородные — состоят из одного протона.

Это был первый шаг.
В декабре 1931 г. французские физики Фредерик Жолио и его жена Ирен Кюри наблюдают странные вещи.

Они берут «взрывную камеру» — ящик, называемый перед началом опыта пересеченными волдырями парама. Камера имеет то удобство, что в ней можно непосредственно фотографировать пути малых заряженных электрических частиц. Стоит промешать такой частице внутри камеры, как вдоль ее пути ступают (притягиваются электрическим зарядом) пары и, ступаясь, осаждаются вернейшей малых капелек. Их фотографировать. По точности и длине цепочки можно судить о массе и заряде пробежавшей частицы.

Итак, «взрывная камера» победлена. Внутри нее Жолио расползает крупную радию, в ядром с ней — кусок легкого металла, бериллия. Равным лучи как всегда разбивают встречные атомные ядра, ядра бериллия. Жолио внимательно рассматривает фотографический снимок. Вот курьезная радия. Вот следы разбрызгиваемых на ахуче. Вот густая радия бериллия, о которую ударилось радиявые лучи. Но никаких новых следов, исходящих из бериллиевой пластинки! Значит, из разрушенного ядра не вылетает на этот раз ничто? Как будто так.

Но вот несомненно поодол от пластинки, на расстоянии многих сантиметров от нее, — ивине, радиями крупинки, что ее лучи извержили на дождь из атомных ядер воздуха какакто непонятным громадным ударом.

Чей удар? Может быть, тех же радиявых лучей? Но нет, следы протонов так явственны от радиявой крупинки, что ее лучи извержили на дождь соеда... Лучи наверняка застряли по дороге. Но что тогда?

Точно так же, что, разрушая бериллиевые ядра, радиявые лучи забывают отуда «ничто», но что остается следов внутри «взрывной камеры». И уже это «ничто», ударяясь сразуоу о встречные воздушные ядра, взрывает оттуда протоны. Так, дае сраженые ударом ядра бальзадий шара, можно двойным ударом сдвинуть этот шаром другой шар и по длине и скорости его пролета составить представление о силе удара кия.

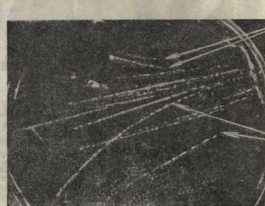
Точно так же по следу сфотографированных Жолио протонных английских физик Джон Чаплик быстро вычисляет массу ударившего в воздушные ядра «ничто».

Это была частица с массой, приблизительно равной массе протона. Но почему она не оставила следов своего пути на фот? Единственное предположение: потому, что нет ее электрического заряда. Раз нет заряда — нет и ступения ядра вдоль пути частицы, и следов этого пути в «взрывной камере».

«Не имеющий заряда», иначе, нейтральный. От этого слова частица, открывшая Жолио, называлась нейтроном.

И вот — яе рода кирпичики, дае мелчайших (еще в тысячу раз меньше электрона) частицы, называемые физикой из ядр атомных ядер. Протоны и нейтроны. Таковы «внутренние» ядра атомов в том виде, в каком она вырисовывается в тот момент, когда имеют эти строки.

Все атомные ядра имеют прежде всего положительный электрический заряд (это можно считать, безразлично, вещество пучком протонов. Отрицательный заряд, пучок рассеивается в стороны. Отталкиваются же одноименные заряды. Значит, заряд ядра того же знака, что и заряд отдельных протонов, положительных).

Фотография следа атомных частиц внутри «взрывной» камеры. Каждый след состоит из ивоннеств мелких водяных капелек (см. текст).

Заряд ядра, очевидно, и создается протонами. Раз так, следовательно, число единиц в заряде любого ядра (если взять заряд протона за единицу) покажет и даст, каково количество штук протонов содержится в ядре.

А как быть с ядерной массой? Она всегда больше (если опять взять за единицу массу одного протона) заряда ядра. Значит, кроме протонов что-то еще должно быть в ядре. Мы знаем: там есть нейтроны. И масса нейтронов равна массе протона. Следовательно, сколько единиц недостает в ядерной массе до ядерной массы, столько штук нейтронов имеет в своем составе ядро.

Вот примеры. Атомное ядро азота имеет массу 14 и заряд 7. Следовательно, оно состоит из семи протонов и семи нейтронов. Когда Резерфорд бомбардировал азот лучами радия, он выбивал из атомных ядер, мы помним, по протону. Что же оставалось на месте удара? Новое ядро из шести протонов (один улетел) и семи нейтронов. Какую значительную изменчивость проявляет это ядро? Какое оно азоту. Справку в таблице элементов (таблица Менделеева) дает ответ: ядерный заряд 6 и массу 13 имеет углерод¹. Азот должен превратиться в углерод. И Резерфорд, действительно, наблюдал в своей камере следы именно появившегося углерода.

Другой пример — золото. В ядре золотого атома — 12 нейтронов и 80 протонов. А в ядре урана — 79 протонов и 118 нейтронов. Значит, стоит забросить внутри ртутного ядра один протон и 4 нейтрона, чтобы получилось ядро золота. В малом масштабе это опять вполне по силам физике. Очень малую браковку приходится исправлять: часть ртутных ядер в чашке с ртутью, обстреляв ее протонами и нейтронами, можно превратить в золотые ядра уже сейчас. Но вот задача — превратить одним пистолетом все ядра золота в чашке не со ртутью, всю ртуть в чашке превратить в золото. Эта задача пока еще недостижима, и мы сейчас расскажем, почему это так.

В 1932 г. в Харькове Антон Штернман Вальтер и его товарищи направляли на кусок легкого металла — лития — поток протонов, предельно разогнанных до большой скорости электрическим полем в 900 000 вольт. То же делают англичане Рауфорт и Уолтон в лаборатории Резерфорда в Кембридже.

Литиевые ядра распадаются под ударом протонов пополам. Из снимков, снятых в «элементарной камере», ясно видно, как от литиевой ядра-спинки из одной точки отпрыгивают то здесь, то там двойной слез, след от двух частиц, на которые распалось ядро лития. Эти частицы имеют положительный заряд 2 и массу, а 4 раза большую массу протона.

Что случилось? Вальтер справляется в менделеевской таблице. Ядро лития имеет массу 7, заряд 3. Ядро лития, следовательно, имеет три протона и четыре нейтрона. И эта постройка бомбардирована протоном. Его смелый удар на спичке из чашки, он застрял в сделанной им пробочке. Застрял внутри литиевого ядра. Там стало четыре протона и четыре нейтрона. И сразу после этого ядро распалось пополам. Если в каждом осколке 2 ней-

трона и 2 протона, то общий заряд осколка должен быть 2 и масса равна 4.

Но именно так и выходит на снимках, заснятых в «элементарной камере!»

Важный результат. Из него следует, что два нейтрона и два протона, сдвинувшись вместе, образуют осязчив и сплыв, неразрушимый и неразложимый комочек.

Тогда ну надо жалеть, чтобы и внутри самих атомных ядер не помещался так в наличии протоны и нейтроны спрессованный, как комочек, и влитый в плотные группы, всегда выстунающая как самостоятельные частицы.

Это так. И это было замечено уже давно. Еще 30 лет назад впервые исследователи атомов, француз Беккерель и Кюри, англичане Резерфорд, Соди, обнаруживали, что из атомов самых тяжелых (таких, как радий) выщелкается сам собой, безо всякого влияния выщелкивается часть, имеющая положительный заряд 2 и массу, равную 4. Эта частица выстреливает или из ядер атомов, или разлетается со все стороны всерою, они были названы частицами «альфа», а все их потом назвали «радиоактивными».

Именно альфа-частицами, выщелкаемыми радием («альфа-лучами»), обстреливал в 1919 г. Резерфорд азотные и прочие ядра.

Но какая причина, спрашивается, вообще заставляет альфа-частицы вылетать из различных ядер? Ведь ничто не заставляет их вылетать оттуда. Больше того: самое странное обстоятельство заключается в том, что альфа-частицы, выходящие внутри ядра, обладают внутренней, законное законодательной для того, чтобы ядро попустило.

Вселенная в целом имеет положительный заряд. И альфа-частицы заряжены положительно. Два же положительных заряда отталкиваются друг от друга. Тогда всякая альфа-частица, приближаясь к ядру являе, отталкивается им. Вот, между прочим, причина того, что так редка реакция, сопровождающаяся разбиением ядра, попадающая на альфа-частицы, сделанные из протонов и нейтронов во всех опытах, сделанных до наших дней. Вот почему в столь ничтожных количествах возможно лишь что превращение одних химических элементов в другие.

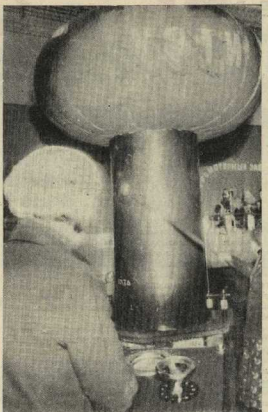
Итак, приближаясь к ядру альфа-частица отталкивается и может перевернуть это отталкивание, только двигаясь с очень большой скоростью. Но если так, тогда и альфа-частицы, выходящие изнутри ядра (и тоже отталкиваемые его пружинами), должны, для того чтобы вырваться наружу, обладать соответствующей скоростью. Между тем подсчет показывает, что протонная составляющая этого. Выйти им из ядра так же невозможно, как рыбе, плавающей в высокой воде, поднятой до половины, переплыть через край. И все же они вылетают! Почему?

Эту загадку решил советский физик Г. А. Гамов.

Гамов установил следующее. Всякое вещество частица (будь то альфа или свободные нейтроны) находится внутри ядра, но находится там в пустоте. Пустоты не существует, как известно. Каковы бы сильные ниском ни отталкивал воздух на башки, в ней все равно останется, кроме отталкивания, которое в числе ниском, невнятная материя осколка, сплошь заполняющая пространство, — «эфир».

Внутри атомных ядер также есть эфир. Этот эфир колеблется волнами особыми и непохожими на те, что бывают на воде во время ветра. В качестве следствия можно же все сказать, что внутренность ядра похожа на огороженный со всех сторон невысокий мелик бассейна, в котором срывается, забегая друг за друга, множество волн.

Всю свою энергию внутренние волны ядра вымывают из него, вымывают из него эфир, вымывают из него эфирные волны, так же как плавающие в бассейне шарики бегут вперекресток от волн водных. Энергия внутренних ядерных волн, поточная, в целом недостаточна для того чтобы вылететь из ядра. Но альфа-частица. Но полюбому тому как волна, возмущающаяся внутри огороженного бассейна, дает время от времени в результате отталкивания сложной колебаний, бегущих перепрыгивающих через мелик бассейна, и пере-

Высокие напряжения для превращения элементов можно также получать, накаливая большие электрические заряды на специальных проводниках (конденсаторах).

Фото изображает огромный кондуктор каплеобразной по форме при, находящийся на изолирующей подставке, в которой своей чистоте накаливающий электричество.

Первоначальная установка УПИ дала возможность получить 1000—300 000 вольт электрического напряжения. В настоящее время Институт имеет возможность получать вольтам до 4 500 000 вольт.

чение внутриядерных эфирных волн особого рода должно время от времени давать мощный толчок по альфа-частицам, выбрасывающий их из ядра.

Если стоять на морском мелик и сландать за очертаниями порывающих волн через мелик, то ощущается, что от волн и вступают иногда прохлады, в среднем, по несколько и больше минут.

Что же касается атомных ядер, то тут дело обстоит так. По подсчету Гамова, альфа-частица имеет массу около миллиарда раз больше, чем ядро в среднем равн в 10¹⁰ (10¹⁰ раз единице с шестнадцатью нулями) лет. Ждать приходится, как видно, долгого! Но в кривую радиус лессом в сотню дао миллиарда содержится все же не больше 10¹⁰ атомов. И только благодаря этому большому числу одновременно участвующих в игре атомных ядер все же несколько сот тысяч альфа-частиц каждую секунду вылетает из ядра радиальной кривизны.

Шансы на вылет альфа-частицы путем внезапно бурного «подбрасывания» их внутриядерными волнами увеличиваются с увеличением массы атомного ядра. Но самое главное теория рабочего класса, теория, относящаяся к ядру радиоактивных веществ. Длительность посмотреть в таблицу Менделеева, чтобы убедиться, что 7 последних по счету основных известных элементов — это радиоактивные элементы: полоний, литон, радий, актиний, торий, протактиний, уран.

Теория Гамова получает полное подтверждение на опыте.

Половинами него. К 1933 г. физика, штурмом атомное ядро, рассмотрена его на альфа-частицы, альфа-частицы — на протоны и нейтроны. Что же дальше? Значит ли это, что все узнано?

Результатами теория рабочего класса, теория, дающая руководящую и действенно не только на фронтах общественной борьбы, но и той борьбы, которую велется наукой в глубоких недрах материи, — революционная диалектика Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина — дает тут первый и четкий ответ.

Ленин писал еще в 1903 г.: «Ядро атома бесконечно — атом так же бесконечен, как бесконечнаема и вся природа в целом».

Что это значит? Это значит, что углубившись внутри атома вплоть до протона и нейтрона, надо впасть за тем двигаться еще дальше, еще глубже. Надо идти внутрь самого нейтрона, надо расширять протон.

¹ Тотчас же после, если в радиолокаторе углерода, так называемый углеродный «изотоп 13».

Равный след протона, выбитого нейтроном, в историческом опыте Нолло. Рядом бледный след нейтрона, случайно заветшегося (из атмосферы) во время опыта в камеру.

Железный парад

Несколько часов подряд шел дождь. Прозрачные прутья льда исламтали дорожку, превратив ее в месиво. Она всасывала сочным прирочиванием колоты красноватого дербана, тапшащего толкучку. Он, казавшись, падал вперед, но отбоячив удерживал его, отгибая назад. Копыт — весь в крупных серых пятнах, рассыпанных по белому полю, словно он в один из солнечных дней стоял под деревом и на нем навсегда остались сестренки и теньные пятна.

Ситость присутствовала на его крутых боках всеземным блеском чистой шерсти, мускулистые ноги играли перламутром.

В телеге сидела злая: помощник начальника политехника Серовский, бывший секретарь комсомольской ячейки завода «Сварка», и вожаки. Они сажали в деревню Неретинку, где должен был состояться съезд конского состава.

Они подехали к сельсовету. Там уже сидела культкомиссия Демьяновского колхоза, соседнего с Неретинкой, которая должна была осмотреть лошадей Неретинского колхоза.

Серовский, распахнув свою кофманку, сел у светлого провала окна и решил ждать лучших удальчиков.

Они скоро появились, и все вышши на дуг.

Там была выстроена в ряд весь конский состав Неретинского колхоза.

— Ну, — сказала Серовский, вынимая блокнот, — приступим, товарищи! Начнем с жидко. Это лошади как звать? — спросил он бригадир.

— Чеберлес, — ответила бригадир.

— Это почему же вы его так прозвали?

— Норовистый, слолох.

Культкомиссия Демьяновского колхоза приступила к осмотру. Нигде, ни на одной ямочке, ни один самый внимательный покусатель так не осмотривала нукуюю ему лошади.

Они начинали с головы: не закорены ли они, нет ли нагноения от повреждений пилы; они поднимали гриву и глядели, нет ли повреждений кожи от хомутов. Не доверяя глазам, они тщательно ощупывали копытообразный сале хомута.

Большинство старелся Серовский. Этот городской парень быстро научился разбираться в лошадях. Серовский тщательно приподнимался

на носки, заглядывая по спине лошади сверху, не побоясь ни дола. Приподнимая каждую ногу лошади, нет ни повреждений в копытцах. Брад лошадей ладил, пробрала несколько шагов, останавливался и глядел на будущего коня со стороны. Не доверяя себе, он спрашивал членов демьяновской культкомиссии:

— Ну как вы, товарищи, находите эту лошадь?

— Что же, лошадь, лошадь справная, — отвечали колхозники.

Серовский записывал в блокнот состояние каждого коня. Если конь казался комсомолу недостаточным «справным», то ему прописывали немедленно усилешный паек и пригласили комсомольца, который был садился за ходом его поправки.

Просмотренных лошадей немедленно же отводили на пастбище. У очередного коня немного испуганная лопатка.

— Почему лошадь худовата? — спросила культкомиссия Неретинского колхоза у бригадир.

— А у нее уж такая организм, — ответил тот, — сколько ни корми, не поправляется.

— А кто на ней работал? — спросила Серовский.

— Кто работал? Многие работали, — ответила бригадир.

— Может быть, она от этого и худовата, что не была прикреплена к одному человеку?

Остальные лошади были как на подбор. Сказано это по рабочим коням, не выказавшим ни хомута все лето, а приныкшим стоять в конюшне, по несколько дней ничего не давая.

Некоторые из них выглядели совсем не рабочими лошадками. Они, стоя на месте, прищипывали, покусывали и били.

Сельдой по очету пошла плохая лошадь. Она была худая. «Уши врозь, дугою зюга и как будто стоишь спиной».

— Почему лошадь в плохом состоянии? — спросила культкомиссия.

— Была болонга, — ответила бригадир.

— А зачем ее?

— Как же. Два раза ветеринара привозили. Ислудочная конюшня. Еще не успела поправиться.

— Как зовут? — спросил Серовский.

— Черешохой, — ответила бригадир.

— Проверить и Черешохе комсомольца, — заявила Серовский. К самым плохим лошадям он умилительно пригласил только комсомольцев.

Около лошадей вертелись деревенские ребятишки. Они со своей стороны тоже вставляли замечания, но мушкет их отпугивали.

— Дяденька, — издала они помощнику начальника политехника Серовскому, — лучше всех лошади у Митяны Сырковой!

— У Митяны, у Митяны, — приласливая, сцпились ребята, называя двое ребят.

— Кто это Сырков? — спросил Серовский у председателя Неретинского колхоза.

— А это бывший красноперец, бутовенец. В его бригаде, верно, самые лучшие кони.

— А где он сам-то?

— А он держит лошадей, ровозовский паренка. Мало того, что они выгладели свежими и «справными», они были значительны тем на парад, их вертели аспинался и сшила атаман.

Красноварец знал, что лошади каждому мунту могут потребоваться на оборону страны, и товарищ Сырков следил за лошадьми так же, как за самим собой.

Но культкомиссия Демьяновского колхоза все время приглядывала. Она осматривала крутые бока лошадей, лавала руками под гриву, не побоясь ни шел, и востукала согнутыми пальцами по копытцам, не стеснявшимся синими полусидящими подков.

Демьяновская культкомиссия вышпывала у бригадирок деревни Неретинку, сколько раз в сутки они кормят и поят своих лошадей, в какое время дня это происходит и какую порцию фуража они выдают на конскую голову.

И те отвечали, не утаивая, не скрывая своего опыта в уходе за колхозными лошадьми. Они отвечали добродушно похвалеными лошадьми по бокам, гудящим как наполненные бочки.

Вскоре лошади Неретинского колхоза были просмотрены и отведены на пастбище. Тогда со стороны Демьяновки пошла комиссия из колхоза.

Она шла boldly и торжественно как на парад, голова в голову. На лошадях сидели ребятишки всей деревни, жалевшие провратиться и поглядеть смотру конского состава. И когда дети ссмались на землю, культкомиссия Неретинского колхоза в свою очередь начала «придираться» к лошадям Демьяновского колхоза.

Помощник бригадир Серовский тщательно заглянул в блокнот не недостатка лошадей, установленных проверкой культкомиссии. Много откровенно признали сами бригадир и сейчас же, на месте, согласился с секретарем комсомольской ячейки Демьяновского колхоза, проверившая и лошадей, нукующейся в особом внимании, комсомольца-шеска.

Когда культкомиссия отрывала у лошадей побитую холку или треснувшие копыто (это случалось очень редко), на лицо Серовского набегали тени. Он забавлялся отгадывала лошадей, щупала копыто или побитую спину, спрашивала, кто бригадир и по чей вине лошадь имеет дефекты.

Он оторачивал горлодо больше, чем это нужно было на самом деле, и бригадир побитой лошади отускал сумрачное лицо вина, боясь втянуться в глаза неретинской культкомиссии.

И когда кончился съезд и вымислилось, что лучше лошади у тех бригадир, в которых большинство комсомольцев, лицо Серовского просияло. Каждый колхоз направился, шумно разговаривая и делая впечатлительными смотра, в свою деревню.

Вдаль мелькала она лет удальчиков, освещенные электрическим димыом привлеклась в движение трактором. Дорога была с двух сторон обсажена колхозными фруктовыми деревьями.

На небе уже сияла алмазная луна.

Коробинская МТС, Московской области.

Нет ли повреждений в копытцах?

10 лет

„СМЕНЫ“

Комсомольский привет!

Боевой комсомольской „Смена“, „танкэму“, на несомому литературному счету по художественно-политическому воспитанию молодого советского читателя, по выражению юной литературной смены, шлет горячий комсомольский привет по случаю 10-летия

Редация журн. ЦК ВЛКСМ и ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“

В. Инбер

Я хотела бы, чтобы „Смена“ показала работу революционной молодежи всего мира. Нужно систематически освещать в художественной форме жизнь рабочей молодежи Запада. Хорошо было бы также печатать наиболее интересные произведения молодых революционных писателей капиталистических стран.

Второй важный момент — показ нового человека. Журнал недостаточно над этим работает. Биография нового человека не есть простой перечень тех или иных событий в личной жизни человека. Производство, учеба, мобилизации, входя в биографию наших людей, сильно расширяют рамки самой биографии. Такая биография перерастает в большое социальное полотно. Работа над такой биографией очень полезна для молодых писателей либобединения „Смены“, так как уже самый выбор героя учит умению находить важные темы современности.

Достижением „Смены“ является хороший подбор писателей, обрабатывающих научную тематику. Научные очерки следуют и в дальнейшем всячески культивировать.

В либобединении „Смены“ есть ряд способных молодых поэтов. Между тем печатаются они на страницах журнала нечасто. Нужно значительно увеличить количество печатающихся стихов.

Наконец, в отношении оформления надо отметить очень мелкий, трудно читаемый шрифт.

Вот недостатки, изжив которые „Смена“ сможет стать по достоинству боевым и высококачественным журналом рабочей молодежи.

А. Бабинцев

КУЛЬТПРОП ЭК ЛКСМ КНЕВСКОГО КРАСНОУДАМЕННОГО ЗАВОДА.

— Выписывая журнал „Смена“ давно. „Смена“ мне очень нравится именно потому, что она подает читателю всесторонний материал своими литературно-революционными рассказами и политико-воспитательными статьями. Художественное оформление, по моему мнению, вполне достаточное. В журнале № 16 мне очень понравилась страница „Искусство бокси и колхозоведия“ „Литростроим“. Безусловно, журнал помогает поднять настроение культурно-политического уровня и политической общественной работы.

Журнал поднимает во мне интерес к литературе и искусству, и старюсь расти в литературном отношении, чтобы самому сначала в заводскую среду, а потом и в самый журнал донести свои литературные произведения.

Перейдя работать на цех, от токаряного станка, культпропом заводского комитета комсомола, я старюсь путем организации активизации читателей журнала „Смена“ увеличить количество подписчиков на этот журнал на нашем заводе. Я добился охвата подписки журнала „Смена“ на февраль 105 молодых рабочих, ударников и комсомольцев.

Мои пожелания — чтобы журнал больше уделял внимания обмену опытом культурно-массовой и литературной работы между заводами комсомольскими организациями, подталкивал хорошую инициативу производственных цехов и больше уделял внимания вопросам физкультуры.

В. Герасимова

Журнал „Смена“ производит собой юбилей, исходясь на „восходящей“ линии. Журнал заметно оживился, надувала то, что должно определять его своеобразное, индивидуальное лицо. Еще сильнее должны он двигаться в этом направлении. Огромные задачи выдвигает наше время перед журналом рабочей молодежи. Задача эти особенно сложны сейчас, когда вы с чем несравнимым культурным ростом читателя выдвигает все новые и новые требования. Одно из них — я, позволяя, основан, это повышение художественного качества продукции.

За глубокую прозу, за волнующие стихотворения, за интересный очерк! С каждым днем все меньше и меньше может удовлетворить читателя поверхностная агитка, примитивный замес...

Повышение качественного уровня журнала не должно идти только за счет увеличения числа называемых „амateurных“ писателей. Журнал имеет все данные и все возможности, чтобы смело выдвигать вперед, молодые творческие силы, он это делает — и в этом большая его заслуга.

Прекрасный очерк Е. Герр „Книга о первых комсомольцах“, стихи Домаганского, Оксенадера, Яковлева, проза Бороздинского — все это блестящее доказательство того, что журнал на верном пути.

Пусть журнал, что остался впереди, что слышим, почетный путь — то, что лежит впереди, — еще более трезво, смело, но и еще более почетно. И молодой талантливый журнал нашей страны преодолеет эти трудности.

Я. ШВЕДОВ

„Волною комсомольских песен
Несли мы корабли весны,
Мы все борьбою рождены.“

А сплочены Возвращенные, де-

ствя —

писал А. Безмятежный, приветствуя молодогоздателя. В тесных комнатах на Возвращенке, № 10 был впервые прочитан „Комсомолец“ А. Яковлева, здесь гремел вольтар А. Веселый, здесь А. Безмятежный выносил на суд молодых писателей „Петра Смирновича“ Штангу. „Бессовестно провозглашал и мусол „Комсомолец“, сюда призывали всегда вместе: остромыслий А. Яковлева, озабоченный М. Свешлов и М. Головинский. Возвращенка, № 10 — это целая полка комсомольской литературы.

Первый номер журнала „Смена“ вышел в 1924 г., и журнал сумел справиться с Возвращенкой, № 10. Не

преувеличивая, можно сказать, что за десять лет своего существования „Смена“ вывела в люди немало писателей и журналистов. „Смена“ живет с молодого войной ступень. Молодежь ждет от „Смены“ новых произведений, о которых можно было бы поспорить так же жаростно и страстно, как спорили когда-то о „Комсомольце“. Молодежь сказала В. Толстого „Роза Миланчик“, Безмятежного, Головинского и др. „Смена“ выдвигает и растет молодых писателей, только пусть смело выдвигает их, чтобы в будущем под много призыва мог написать о светлой многоголосной комнате „Смены“, о корабле комсомольской весны, тонущем по песне и борьбе, о М. Чернышине переулке, № 1 так же тепло и ясно, как написала когда-то А. Безмятежный о Возвращенке, № 10.

